

ПОСМЕРТНЫЯ ЗАПИСКИ АЛЕКСѢЯ АЛЕКСѢВИЧА ОДИНЦОВА

генерала отъ инфантеріи.

Род. 1803, † 1886 г.

Алексѣй Алексѣвичъ Одинцовъ, сынъ Алексѣя Ивановича Одинцова и супруги его Ѳеодосіи Александровны, рожденной Макшеевой, родился въ Кронштадтѣ, 12-го мая 1803 года. Восьми лѣтъ онъ сталъ посѣщать уѣздное училище, въ г. Кашинѣ, а 11-го августа 1817 г. былъ опредѣленъ въ Первый кадетскій корпусъ, изъ коего выпущенъ въ 1823 г. первымъ ученикомъ, въ чинѣ прапорщика, въ л.-гв. Литовскій полкъ, стоявшій въ Варшавѣ. Во время службы въ этомъ полку онъ пользовался особымъ милостивымъ къ нему расположеніемъ цесаревича Константина Павловича; принадлежа къ интеллигенціи полка, Одинцовъ посѣщалъ, въ свободное отъ служебныхъ занятій время, лекціи нѣкоторыхъ профессоровъ варшавскаго университета, много читалъ и переводилъ съ иностранныхъ языковъ разныя статьи.

Состоя въ должности баталіоннаго адъютанта, Одинцовъ участвовалъ въ польской кампаніи 1830 г. и при взятіи Варшавы въ 1831 г., а по окончаніи кампаніи возвратился вмѣстѣ съ полкомъ въ Петербургъ и былъ временно прикомандированъ къ полковому штабу.

Въ іюнѣ 1832 г. Алексѣй Алексѣвичъ былъ переведенъ во фронтъ и назначенъ командиромъ 4-й фузилерной роты. Съ тѣхъ поръ онъ служилъ во фронтѣ; въ 1842 г. былъ переведенъ въ л.-гв. гренадерскій полкъ, для исправленія должности штабъ-офицера, 11-го августа того-же года произведенъ въ полковники, а въ 1843 г. назначенъ для обученія пѣшему строю въ полки 2-й гвардейской легкой дивизіи, расположенныя въ бывшихъ военныхъ поселеніяхъ, въ Новгородской губерніи, порученіе, — исполненное имъ столь успѣшно,

что онъ удостоился, во время смотра, особаго одобренія цесаревича Александра Николаевича, который былъ назначенъ въ это время командующимъ 2-ю легкою кавалерійскою дивизіею.

По возвращеніи изъ этой командировки, Одинцовъ занимался обученіемъ гвардейскаго учебнаго баталіона; 9-го февраля 1844 г. назначенъ командиромъ 3-го баталіона л.-гв. гренадерскаго полка, затѣмъ с.-петербургскимъ плацъ-маіоромъ, а съ 1853 г. вторымъ комендантомъ въ С.-Петербургѣ, уже въ чинѣ генераль-маіора, въ который онъ былъ произведенъ за два года передъ тѣмъ, съ зачисленіемъ по арміи.

Въ достопамятную эпоху освобожденія крестьянъ Алексѣй Алексѣевичъ былъ назначенъ на особенно трудный въ то время постъ начальника Нижегородской губерніи, гдѣ подъ личнымъ его руководствомъ освобожденіе и устройство крестьянъ совершилось вполне успѣшно и безъ всякихъ замѣшательствъ. Самъ Алексѣй Алексѣевичъ, изъ всего долголѣтняго служебнаго своего поприща, болѣе всего цѣнилъ свою дѣятельность на посту нижегородскаго губернатора и завѣщаль дѣтямъ вырѣзать на могильномъ памятникѣ слѣдующую надпись:

«Съ 1861-го по 1873 годъ былъ начальникомъ Нижегородской губерніи и имѣлъ счастье ввести въ ней всѣ благія преобразованія Царя-Освободителя Александра II».

Во время службы въ Нижнемъ Новгородѣ заслуги Одинцова были награждены покойнымъ государемъ пожалованіемъ ему чина генераль-лейтенанта и орденовъ Владиміра 2-й степени, Бѣлаго Орла и, наконецъ, при назначеніи его членомъ комитета о раненыхъ, орденомъ св. Александра Невскаго, по случаю празднованія 50-ти-лѣтія службы его въ офицерскихъ чинахъ.

Въ 1881 г., 30-го августа, А. А. Одинцовъ былъ произведенъ въ генераль-отъ-инфантеріи и въ этомъ чинѣ и въ званіи члена Александровскаго комитета о раненыхъ скончался въ С.-Петербургѣ, на 83 году отъ рожденія, 16-го апрѣля 1886 года.

Во время своей долголѣтней жизни А. А. Одинцовъ неоднократно велъ дневникъ и набрасывалъ въ памятную книжку свои замѣтки о текущихъ общественныхъ и служебныхъ событіяхъ и, будучи уже въ преклонныхъ лѣтахъ, принялся въ 1878 г., руководствуясь этими замѣтками, за составленіе своихъ записокъ, которыя появляются нынѣ, согласно его волѣ, выраженной въ духовномъ завѣщаніи, на страницахъ «Русской Старины».

Записки эти несомнѣнно имѣютъ не маловажное историческое значеніе, какъ свидѣтельство человѣка весьма образованнаго и начитаннаго, который могъ поэтому отнестись критически къ самому себѣ и къ

событіямъ, конхъ онъ былъ очевидцемъ; къ тому же служба его въ Литовскомъ полку совпала съ эпохою весьма знаменательныхъ событій въ Польшѣ, вслѣдъ за кончиною императора Александра I, которыя завершились польской кампаніей 1831 года.

Въ этихъ запискахъ, обнимающихъ сорокалѣтній періодъ времени 1803—1844 гг., Одинцовъ описываетъ свое дѣтство, протекшее среди патріархальной обстановки помѣщичьяго быта прежнихъ временъ, воспитаніе свое въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ и службу въ Литовскомъ полку, въ суровое время строгой дисциплины и военной выправки. Къ сожалѣнію, эти весьма правдиво и безпристрастно изложенныя записки не доведены ихъ авторомъ до конца и обрываются съ переходомъ, 11-го августа 1836 г., л.-гв. Литовскаго полка изъ Ораніенбаума въ Петербургъ, въ казармы на Выборгской сторонѣ. Пересматривая эти записки въ 1884 г., покойный А. А. Одинцовъ принялся было за продолженіе ихъ, но въ самомъ началѣ этой работы замѣтилъ: «Вѣроятно, мнѣ не придется ихъ окончить».

Онъ успѣлъ, однако, до своей смерти, послѣдовавшей 16-го апрѣля 1886 г., набросать нѣсколько замѣтокъ, относящихся къ послѣднимъ годамъ его службы въ Литовскомъ полку и написать связный рассказъ, со времени перехода его, въ 1842 г., въ лейбъ-гренадерскій полкъ, до начала 1844 года.

Дневникъ А. А. Одинцова оканчивается 17-мъ августомъ 1837 г. Въ замѣткахъ своихъ онъ говоритъ: «Съ 1837 по 1841 г. не вель дневника, а съ 1841 до 1845 есть дневникъ». Прекращеніе дневника объясняется замѣтками, изъ которыхъ видно, что въ послѣдніе годы его пребыванія въ Литовскомъ полку, независимо отъ службы, Одинцовъ предавался свѣтской жизни, хандрилъ и мечталъ о выгодной женитьбѣ.

Офицеръ л.-гв. Литовскаго полка Н. И. Языковъ, въ своей шуточной поэмѣ «Литовиніана», изобразилъ портретъ Алексѣя Алексѣевича Одинцова того времени такъ:

«Возлѣ Козлова Одинцовъ,
То командиръ знаменной роты,
Все знаетъ онъ,—и повороты,
Игру, завѣтный вкусъ вина,
Мораль огромнаго размѣра
И шагъ учебный въ три приема,—
Всѣмъ голова его полна.
Онъ много слышалъ и читалъ,
Весь вѣкъ свой женщины изучать
И любить ихъ. Для женской ласки
Готовъ онъ карты посвящать,

Не уставая танцовать:
 За то голубенькіе глазки
 Такъ нѣжно на него глядятъ.
 Всѣ дамы умъ его цѣнятъ,
 Охотно слушаютъ его...
 И только, больше ничего.
 Онъ капитанъ, а не женатъ
 И я готовъ хоть побойжиться,
 Готовъ побиться объ закладъ —
 Ему страхъ хочется жениться,
 Теперь особенно. Купилъ
 Себѣ онъ шегольской лорнетъ,
 На брюкахъ каты подновилъ,
 И весело пустился въ свѣтъ,
 Сталъ франтъ, всегда на вечерахъ
 Glacées перчатки на рукахъ, —
 Радужно смотритъ всѣмъ въ глаза
 И ромомъ мочить воюса.
 А все-таки онъ не женатъ
 И кто-же въ этомъ виновать?

Справедливость требуетъ, однако, сказать, что служба и свѣтская жизнь не поглощали Одинцова вполне и что, не смотря на постоянныя занятія со своей ротою и развлечения, онъ очень много читалъ и думалъ, какъ свидѣтельствуетъ собственноручно исписанный имъ фоліантъ, озаглавленный: «*Mémoriales de mes lectures pendant treize années de 1832 à 1846*».

Изъ полковыхъ происшествій этого періода А. А. упоминаетъ только, что въ 1841 году командиромъ полка, вмѣсто Девина, былъ назначенъ Амонтъ, но съ 1842 года онъ ведетъ уже послѣдовательный разсказъ.

А. А. оставилъ послѣ себя въ полку прекрасную память.

27-го февраля 1883 года, когда исполнилось шестьдесятъ лѣтъ его офицерской службы, онъ получилъ слѣдующія телеграммы:

Изъ Варшавы: «Общество офицеровъ л.-гв. Литовскаго полка и старшій его представитель въ Варшавѣ, бывший вашъ сослуживецъ, имѣютъ честь поздравить ваше высокопрев—ство съ днемъ шестидесятилѣтняго юбилея службы вашей въ офицерскихъ чинахъ. Съ гордостью вспоминаемъ, что эта полезная и долговременная служба начата въ рядахъ полка. Литовцы чтятъ въ лицѣ вашемъ одного изъ старѣйшихъ представителей того поколѣнія, которое, служа честно царю и отечеству, оставило полку славныя традиціи. Генераль-лейтенантъ графъ Разводовскій (комендантъ Варшавы), генераль-майоръ Водаръ (команд. полка)».

Изъ Москвы: «Какъ бывшіе офицеры л.-гв. Литовскаго полка, просимъ в. в. принять наше поздравленіе съ 60-ти-лѣтнимъ юбилеемъ вашей службы.

Генераль-лейтенантъ Петрушевскій (команд. 4-го корпуса), полковникъ и воспитанникъ Мерчанскіе».

На эти телеграммы А. А. отвѣчалъ:

Коменданту Варшавы графу Развадовскому.

«Поздравленіе общества офицеровъ л.-гв. Литовскаго полка съ исполнившимся 60-ти-лѣтіемъ моей службы меня глубоко тронуло.

Только отъ общества, въ которомъ свято сохранился духъ товарищества, можно было ожидать такого лестнаго вниманія къ столь давнишнему однополчанину.

Примите, ваше сіятельство, мою сердечную благодарность и передайте ее генералу Водару и всѣмъ дорогимъ мнѣ литовцамъ. Одинцовъ».

Командиру 4-го корпуса Петрушевскому.

«Примите, ваше превосходительство, душевную мою благодарность и передайте ее гг. Мерчанскимъ.

Искренно радуюсь, что духъ товарищества всегда и вездѣ сохраняется нами, литовцами. А. Одинцовъ».

Посмертныя записки генераль-отъ-инфантеріи А. А. Одинцова печатаются вслѣдъ за симъ дословно и лишь для удобства чтенія разбиты нами на главы.

В. В. Тимошукъ..

На старости я съизнова живу,
Минувшее проходитъ предо мною.

А. Пушкинъ.

Историческое значеніе записокъ или мемуаровъ современниковъ никѣмъ уже не отрицается. Онѣ неоцѣненны для исторіи, какъ неложныя свидѣтельства извѣстной эпохи, какъ остатки прошлаго.

Родоначальникъ фамиліи Одинцовыхъ былъ татарской мурза Доннай или Докучай. Многіе изъ этой фамиліи служили Россіи разныя дворянскія службы и жалованы были въ 1614 и другихъ годахъ отъ государей помѣстьями. Въ Литвѣ существуетъ фамилія Одынецъ, имѣющая одинаковый гербъ съ Одинцовыми.

Дѣдъ мой, ген.-м. Иванъ Максимовичъ Одинцовъ, получилъ

изъ герольдіи родословную роспись и гербъ, значить, тогда уже былъ признанъ какъ древняго дворянскаго рода. Въ 1823 году отецъ мой, капитанъ-лейтенантъ Алексѣй Ивановичъ, былъ, по его просьбѣ, внесенъ въ VI часть родословной книги Тверской губерніи. Въ 1854 году я просилъ о внесеніи меня съ семействомъ въ родословную книгу С.-Петербургской губерніи. По справкѣ, сдѣланной въ Тверскомъ Депутатскомъ собраніи, оказалось, что Герольдія не утвердила внесеніе въ VI часть фамилии Одинцовыхъ, по неимѣнію на каждое лицо доказательствъ о древности рода; поэтому я былъ внесенъ въ подлежащую родословную книгу С.-Петербургской губерніи, на основаніи формулярнаго о службѣ моей списка.

Дѣдъ мой, Иванъ Максимовичъ Одинцовъ, умеръ въ Кронштадтѣ въ чинѣ генералъ-маіора и директора Штурманскаго училища. Въ его послужномъ спискѣ замѣчательно, что онъ два раза былъ разжалованъ въ матросы и что въ Рязанскомъ намѣстничествѣ у него было 9 душъ крестьянъ, и ежели бы не былъ утраченъ документъ, что это имѣніе родовое, то тогда внесли бы въ VI книгу происходящій отъ него родъ.

Иванъ Максимовичъ имѣлъ 6 сыновей, изъ которыхъ Алексѣй, отецъ мой, родился въ 1771 г., и въ 1799 году вступилъ въ бракъ съ Ѳедосей Александровной Макшеевой, которая родилась 1780 года. Вѣнчаніе происходило въ Петербургѣ, въ церкви Благовѣщенія на Васильевскомъ островѣ.

Алексѣй Ивановичъ вышелъ въ отставку 22-го октября 1809 г. капитанъ-лейтенантомъ и переселился въ имѣніе жены своей Тверской губ., Кашинскаго уѣзда, въ селцо Бабаево, вѣроятно, въ концѣ 1803 или въ началѣ 1804 года. Имѣніе это, душъ 50, досталось Ѳедосѣ Александровнѣ отъ Ѳедосы Юрьевны Опочининой, урожденной Батюшковой, у которой Ѳедосья Александровна воспитывалась. Алексѣй Ивановичъ скончался въ 1826 году и погребенъ на кладбищѣ приходской своей церкви въ селѣ Григорково, принадлежавшемъ тогда Ивану Ильичу Волкову. Надъ его могилою въ 1863 году мною положена чугунная плита, съ его именемъ, днемъ рожденія и кончины и съ знакомъ якоря. Ѳедосья Александровна скончалась въ Петербургѣ и погребена въ Новой деревнѣ, на кладбищѣ церкви Благовѣщенія, 1862 г. января 20-го.

У Алексѣя Ивановича и Оедосы Александровны дѣтей было 7 сыновей и 4 дочери. Кромѣ сыновей, Николая, Алексѣя и Андрея, всѣ скончались въ младенчествѣ. Николай Алексѣевичъ умеръ 15-го сентября 1875 года въ деревнѣ Кузнецова, Новгородской губерніи, Устюжскаго уѣзда, а Андрей Алексѣевичъ скончался въ Тифлисѣ, капитаномъ грузинскаго № 3-го баталіона, 1842 года.

I.

ДѢТСТВО.

Вступленіе.—Первыя впечатлѣнія.—Записная книжка.—Любовь къ чтенію. — Поѣздки къ дѣду.—1812 годъ.—Команда школьникѣвъ. — Гуманное отношеніе къ крѣпостнымъ.—Поѣздка въ Петербургъ.—Жизнь у родныхъ.

1803 — 1817 гг.

Родился я въ Кронштадтѣ 1803 г. мая 12-го и былъ привезенъ въ селцо Бабаево, когда мнѣ не минуло еще года, слѣдовательно, первые взгляды на міръ, первыя впечатлѣнія возникли у меня въ глухой деревенской средѣ. Домъ, въ которомъ жили мои родители, былъ небольшой, крытый соломой, флигель, въ которомъ, вѣроятно, прежде жилъ управляющій; потомъ построили деревянный домъ въ два этажа, крытый тесомъ. Передъ домомъ—чистый дворъ, одна старая береза, обиталище грачей, огромная липа, кругомъ службы, сзади садъ изъ нѣсколькихъ кустовъ смородины, прудокъ, березовая роща—вотъ наружная обстановка мѣста, гдѣ протекло около 10-ти лѣтъ моей жизни. Лица, меня окружавшія, кромѣ родителей и двухъ братьевъ, Николая и Андрея, были—старая няня Варвара, совсѣмъ глухая, сѣнныя дѣвушки—Евлампія и Анна, мальчикъ Александръ, староста Иванъ, очъ же и кучеръ, и кухарка Оекла. Въ томъ же селцѣ Бабаевѣ былъ еще господскій домъ, въ которомъ жили три старыя дѣвы Колударовы. Сосѣди помѣщики Волковы, Недовѣсковы, Сербенины, Батурины и другіе и, наконецъ, священникъ села Григорькова, Іоаннъ Введенскій.

Шести лѣтъ я выучился читать и писать и зналъ четыре правила ариметики, чѣмъ обязанъ своимъ родителямъ Съ этого

времени я получилъ страсть къ чтенію и пожиралъ безъ разбора все печатное, что попадалось подъ руку, какъ дома, такъ и въ скудныхъ библіотекахъ сосѣдей. Часто силой отнимали у меня книгу, чтобъ заставить немного погулять.

Въ прежнее время, во Франціи, велись въ нѣкоторыхъ семействахъ записныя книги, называемыя *livres de raison* или *livres de compte*, служившія потомъ интересными историческими документами. Подобную книжку велъ я съ 1810 года, въ которую, съ копѣчнымъ расходомъ, количествомъ крупы, издержанной для корма голубей, вписывалъ и книги, получаемыя для чтенія отъ сосѣдей. Это даетъ возможность узнать, какія сочиненія я читывалъ и могъ ли я въ семилѣтнемъ возрастѣ извлечь изъ нихъ какую либо умственную пользу. Привожу ихъ названія:

Мареа Посадница—Карамзина, Цисъмовникъ Курганова 1764 года, Русалка опера, Иліяда Гомера, Пріятное и полезное препровожденіе времени, Богомолки, Душенька одушевленная статуя, Славянскія древности, Приключенія маркизы Г., Нравственная философія, Старикъ вездѣ и нигдѣ, Россіяда, Приключенія Помпе, Наполеонъ Бонапарте, Должности человѣка и гражданина, Живописецъ, Телемакъ, Злосчастное замужество дѣвицы Гарви, Квинтъ Курцій, Священная исторія, Лолота и Фанфанъ, сочиненіе Дюкре Дюмениля, Дѣтскій Собесѣдникъ, Житіе Клевеманста, побочнаго сына Кромвелева, романы г-жи Радклифъ, которые очень читались въ то время въ Россіи, въ переводахъ съ французскаго (съ англійскаго тогда еще не переводили). Не трудно себѣ представить, какое сильное впечатлѣніе производили на дѣтское мое воображеніе таинственные ужасы романовъ Радклифъ, которые я читалъ съ увлеченіемъ и повторялъ всѣ ихъ перипетіи человѣчками, вырѣзанными изъ бумаги, бывшими любимыми моими игрушками. Весь этотъ хаотическій сумбуръ свѣдѣній и впечатлѣній, набившійся въ голову десятилѣтняго мальчика отъ столь разнообразнаго и безтолковаго чтенія, не произвелъ, однако, очень вреднаго вліянія на дальнѣйшее мое умственное развитіе, какъ бы это должно было полагать по правиламъ педагогики, и хотя я и впослѣдствіи всегда мало держался логической послѣдовательности въ выборѣ чтенія, но оно послужило мнѣ главнымъ средствомъ самообразованія и осталось навсегда моимъ любимымъ занятіемъ.

Я былъ самымъ любимымъ сыномъ моей матери и съ своей стороны до такой степени былъ къ ней привязанъ, что когда она отлучалась хотя на часокъ, я не переставалъ плакать, и потому мать брала меня всегда съ собою въ гости, а какъ я былъ ребенокъ серьезный, то въ этомъ не было неудобства. Жена нашего сосѣда, Ивана Ильича Волкова, Ѳаена Петровна, женщина очень образованная, также очень меня любила и, послѣ матери, я былъ наиболѣе къ ней привязанъ. Сынъ Волковыхъ, Сергѣй, годами двумя меня моложе, былъ первымъ товарищемъ моего дѣтства.

Каждую зиму семья наша отправлялась гостить къ отцу моей матери, Александру Ивановичу Макшееву, верстъ за 200, въ Устюжскій уѣздъ, село Гряду. Переѣздъ совершался на своихъ лошадяхъ, въ кибиткахъ, набитыхъ перинами и подушками, съ запасомъ чаю, пироговъ и замороженныхъ щей. Дѣдъ мой, А. И. Макшеевъ, имѣлъ болѣе ста душъ крестьянъ, слѣдовательно, могъ жить пошире, нежели Одинцовы, считавшіеся мелкопомѣстными; чтобы дать понятіе о тогдашнемъ гостепріимствѣ, достаточно сказать, что у Макшеева собиралось на семейные праздники до 50-ти особъ разнаго пола и возраста, съ челядью и лошадьми, и оставались гостить по нѣскольку дней.

Въ 1811 году отецъ мой былъ выбранъ уѣзднымъ судьей и семья переѣхала на житье въ городъ Кашинъ. Старшій мой братъ Николай поступилъ во 2-й кадетскій корпусъ, а я и Андрей начали въ Кашинѣ ходить въ уѣздное училище. Хаотическій запасъ моихъ познаній отъ посѣщенія училища не регулировался и не увеличился. Припоминаю только двухъ учителей, Савву Ивановича, маленькаго и толстаго, и Ѳедора Ивановича, высокаго и худаго, и то, что мать моя посылала имъ въ подарокъ куповинскіе жилеты; матерія эта (?) нынѣ также забыта, какъ педагоги, ею одаряемые.

Въ 1812 году мирные жители Кашина были встревожены вторженіемъ Наполеона въ Россію; все задышало войною, начали собирать ополченіе. Собралась также ватага школьниковъ и назначила меня своимъ атаманомъ. Это было первое проявленіе товарищеской любви ко мнѣ, каковою по особому счастью я не переставалъ пользоваться всю мою жизнь, въ разныхъ общественныхъ средахъ, въ которыхъ приходилось мнѣ вращаться.

Юная моя команда, вооруженная деревянными дротиками и картонными саблями, въ ожиданіи французовъ, начала дѣлать набѣги на монастырскія поля, засѣянные горохомъ и рѣпою, и вступать въ борьбу съ охранявшими ихъ сторожами, за что, разумѣется, самъ ихъ начальникъ бывалъ заключаемъ отцомъ въ темную комнату, что было для него большимъ наказаніемъ, по невозможности предаваться чтенію какого либо имѣвшагося романа. Предпочитаемымъ въ то время педагогическимъ наказаніямъ розгамъ я, какъ дома, такъ и въ корпусѣ, никогда не подвергался.

Изъ памятныхъ происшествій моего дѣтства были поѣздки въ 1812 году, съ матерью и ея сосѣдками, на большую дорогу въ деревню Погорѣлку, гдѣ былъ этапъ для проводимыхъ партій плѣнныхъ французовъ. Барыни запасались всякаго рода съѣстными припасами, корпіей и бинтами, для пособія этимъ несчастнымъ жертвамъ честолюбія ихъ геніяльнаго вождя, что доказываетъ, что, не смотря на ненависть, возбужденную его нашествіемъ въ общество, русская женщина не перестала быть сострадательною и къ врагамъ.

Родители мои и сосѣдніе помѣщики, по большей части, гуманно обходились съ своими крѣпостными. Быть помѣщиковъ того времени вѣрно изображенъ въ Запискахъ А. Т. Болотова, изданныхъ въ 1870—1873-хъ гг. редакціею историческаго журнала „Русская Старина“.

Въ концѣ 1815 года родители мои отправились въ Петербургъ, для опредѣленія меня и брата Андрея въ какой нибудь изъ кадетскихъ корпусовъ. Для дворянина это былъ единственный способъ образованія и вступленія въ военную службу; другой родъ службы дворяне того времени очень рѣдко избирали для своихъ дѣтей.

По пріѣздѣ въ С.-Петербургъ родители мои наняли квартиру на Петербургской сторонѣ, въ одной изъ Колтовскихъ улицъ. Послѣ Кашина, единственнаго города, который я видѣлъ, разумѣется, Петербургъ показался мнѣ неизмѣримо громаднымъ. Самымъ интереснымъ изъ продавцовъ столицы сдѣлался для меня разнощикъ, носившій на лоткѣ куски мака съ медомъ, пряники и конфеты съ приклеенными къ обертокѣ стишками, которыхъ уже въ настоящее время не существуетъ.

За опредѣленіе меня съ братомъ въ корпусъ взялся сосѣдь нашъ по деревнѣ, капитанъ л.-гв. Егерскаго полка Ѳедоръ Герасимовичъ Батуринъ, убитый впослѣдствіи фельдфебелемъ своей роты. По недостатку средствъ, родители наши должны были уѣхать, оставивъ насъ въ Петербургѣ однихъ; меня приняли къ себѣ родственники моей матери Бартдинскіе, а Андрей помѣстился въ семьѣ единороднаго брата нашего отца, Павла Ивановича Одинцова, служившаго въ ластовомъ экипажѣ и квариновавшаго въ Галерной гавани.

Тяжело было мнѣ разставаться съ яѣжно любимой моею матерью, съ которой я не разлучался съ своего рожденія; но дѣлать было нечего, надо было устраивать новую жизнь и безропотно перенести это великое горе.

По счастью семейство Бартдинскихъ, состоявшее, кромѣ отца и матери, изъ двухъ сыновей и трехъ дочерей, отъ 18 до 10 лѣтъ, было весьма доброе; сама Бартдинская обходилась со мною какъ настоящая мать, а дѣти скоро очень меня полюбили, такъ что въ продолженіе почти полутора года, которые я прожилъ у нихъ, я не имѣлъ причины быть недовольнымъ.

Разлука съ матерью произвела нравственный переворотъ въ моемъ міросозерцаніи, который имѣлъ огромное вліяніе на всю мою жизнь. Потерявъ всегдашнюю свою заступницу и баловницу, я ясно увидѣлъ, что впредь долженъ разсчитывать на собственные свои силы и стараться быть всегда разсудительнымъ, впрочемъ, разсудительность и осторожность были, такъ сказать, врожденными моими свойствами, съ самаго ранняго возраста. При бѣдности родителей, я хорошо понималъ, что только одні науки могутъ доставить мнѣ возможность отличиться на службѣ и горевалъ только, что поступленіе мое въ корпусъ такъ замедляется.

II.

I-й кадетскій корпусъ.

Поступленіе въ корпусъ.—Экономъ Бобровъ.—Обмундированіе кадетъ.—Лѣто.—Игра въ мячъ.—Корпусное начальство.—Система воспитанія.—Товарищество.—Преподаватель Талызинъ.—Отношеніе къ кадетамъ директора.—Производство въ унтеръ-офицеры и фельдфебеля.—Товарищи.—Свойство характера.—Исторія съ пирогами.—Духъ кадетъ.—Выпускъ.—Представленіе великому князю.

1817—1823.

Наконецъ, столь давно ожидаемое счастье наступило и мы съ братомъ Андреемъ были приняты въ I-й кадетскій корпусъ 11-го августа 1817 года. Первый кадетскій корпусъ занималъ знаменитыя хоромы вн. А. Д. Меншикова на Васильевскомъ островѣ, по Кадетской линіи, съ обширнымъ плацомъ и садомъ. Внутри, по всей длинѣ зданія и по всѣмъ тремъ этажамъ, шли открытыя галлерей. Кадеты были раздѣлены на пять ротъ: гренадерскую, 1, 2, 3 резервную и малолѣтнее отдѣленіе, которое было подъ присмотромъ дамъ. Классовъ было шесть, а 7-й служилъ въ нѣкоторомъ отношеніи исправительнымъ для лѣнивыхъ, неспособныхъ и дурно себя ведущихъ. Я поступилъ въ резервную роту и 6-й самый младшій классъ, а братъ Андрей въ малолѣтнее отдѣленіе.

По вступленіи въ роту я, какъ новичекъ, сталъ подвергаться насмѣшкамъ и пинькамъ прежде меня вступившихъ въ корпусъ. Убѣдясь, что тутъ невозможно вести себя какъ дома и припомня рѣшеніе свое, при разлукѣ съ матерью, рассчитывать только на собственныя силы, я, уговорясь съ другими новичками, особенно съ двумя братьями Врангель, которые были высоки и сильны, рѣшили болѣе не поддаваться, что на первыхъ порахъ вводило меня въ ежедневныя драки.

Въ корпусѣ было принято правиломъ въ дракѣ бить кулаками по бокамъ и носками по ногамъ противника, никогда не задѣвая лица, потому что могущіе быть отъ удара по лицу знаки немедленно подводили подъ розги имѣющихъ оные, а указать кто ихъ сдѣлалъ было бы величайшимъ преступленіемъ противъ товарищества.

По утру кадетамъ на завтракъ давали по булкѣ, но ничего горячаго, ни чаю, ни сбитню, что было большимъ лишеніемъ привыкшимъ дома пить чай или кофе. Вообще же пища въ корпусѣ была простая, но сытная, благодаря знаменитому по своей честности эконому Андрею Петровичу Боброву, который любилъ кадетъ съ нѣжностію отца, и кадеты обожали его, хотя иногда трунили надъ его пузатой и замасленной фигурой.

„Полвѣка эконому, наслѣдства твоего не стало, смѣхъ сказать,—и на покупку гроба“, сказалъ о немъ бывшій кадетъ М. П. Розенгеймъ. Другой кадетъ, Дружининъ, говоритъ о Бобровѣ, что никогда Диккенсъ, въ самыя теплыя минуты своего творчества, не создавалъ такого оригинальнаго, благороднаго, любящаго, юмористически-трогательнаго лица.

Корпуснымъ докторомъ былъ Зеленскій, хорошій лекаръ, неусыпно ухаживавшій за больными кадетами.

Обмундированіе кадетъ было принятое при Александрѣ I-мъ: мундиры съ длинными фалдами, бѣлые штаны съ кожаными крагами и неудобные кивера съ помпонами для фузилерныхъ ротъ и палками, обвитыми бахромою изъ конскаго волоса, именуемыми султанами, для гренадерскихъ ротъ. Въ обыкновенные дни кадеты носили фуражки безъ козырька, куртки и сѣрые штаны, но всегда съ крагами. Казенныхъ шинелей не было, но увольняемые въ отпускъ въ праздничные дни должны были имѣть собственныя шинели офицерскаго покроя.

Благодаря неудобству крагъ и секретнымъ порокамъ, весьма распространеннымъ въ то время въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, многіе кадеты дѣлались косолапыми, или имѣли ноги колесомъ. Первые подвергались насмѣшкамъ, но имѣть ноги колесомъ считалось своего рода шикомъ. Физическая сила была въ большомъ уваженіи и силачи играли всегда важную роль между кадетами.

Лѣто въ корпусѣ проходило довольно пріятно, благодаря обширному и тѣнистому саду; лагеря и отпусковъ домой на вакацію въ корпусѣ не существовало. Кадеты играли въ мячъ, свайку, лапту, но любимая игра ихъ была въ мячъ. Это былъ сшитый изъ кожи шаръ въ $\frac{1}{4}$ ар. въ діаметръ, куда вставляли и потомъ надували смоченный бычачій пузырь. Игра мячемъ состояла въ подбрасываніи его на воздухъ носкомъ ноги, и кто это дѣлалъ высоко и перпендикулярно считался лучшимъ игрокомъ.

На высокой кирпичной стѣнѣ, окружавшей плацъ и садъ, были еще замѣтны во время нахождения моего въ корпусѣ многія изъ нравственныхъ сентенцій математическихъ и физическихъ фигуръ, начерченныхъ на ней, по распоряженію гр. Ангальта, бывшаго директора корпуса и извѣстныхъ подъ названіемъ говорящей стѣны (*la muraille parlante*).

Главнымъ начальникомъ военно-учебныхъ заведеній при мнѣ былъ цесаревичъ великій князь Константинъ Павловичъ и помощниками его были попеременно: генераль Клингеръ, гр. Петръ Петровичъ Коновницынъ, знаменитый герой 1812 года, и гр. Павелъ Васильевичъ Голенищевъ-Кутузовъ; всѣ они жили въ зданіи 1-го корпуса, почему воспитанники онаго могли часто ихъ видѣть и хорошо знать.

Клингеръ худо говорилъ по русски, писалъ нѣмецкія трагедіи, мало занимался своею должностію и всегда былъ суровъ и угрюмъ. Коновницынъ и Кутузовъ были вполнѣ добрые начальники, но педагогическихъ познаній не имѣли. Коновницынъ былъ очень ко мнѣ благосклоненъ и часто приглашалъ обѣдать; вся его семья также меня любила.

Директоромъ 1-го корпуса былъ генераль Михаилъ Степановичъ Перской, человекъ весьма образованный, съ твердымъ характеромъ, но слѣдовалъ странной педагогической системѣ, какъ то будетъ объяснено дальше. Инспекторомъ классовъ былъ полковникъ Черкасовъ, онъ же училъ фортификаціи въ верхнихъ классахъ; баталіоннымъ командиромъ былъ полковникъ Шмидтъ, онъ же училъ тактикѣ и стратегіи. Кадеты его очень любили, какъ за его доброту, такъ за отличное знаніе фронтоваго ученія и прекрасный голосъ. Во 2-мъ корпусѣ баталіоннымъ командиромъ былъ полковникъ Кенигъ, и когда баталіонъ 2-го корпуса приходилъ учиться съ баталіономъ 1-го корпуса, то кадеты замѣчали, что Шмидтъ (кузнецъ) командуетъ какъ Кенигъ (король), а Кенигъ—какъ Шмидтъ.

Воспитательная система, соблюдавшаяся въ 1 корпусѣ, какъ равно и въ другихъ корпусахъ, была вполнѣ неудовлетворительная. Ротный командиръ и офицеры являлись по утру, осматривали одежду и чистоту лица и рукъ у кадетъ, производили назначенныя экзекуціи и затѣмъ, въ продолженіе всѣхъ сутокъ, кадеты были предоставлены самимъ себѣ, подъ бесполез-

нымъ наблюденіемъ фельдфебелей и унтеръ-офицеровъ изъ тѣхъ же кадетъ.

Большая часть проступковъ влекла за собою наказаніе розгами, заключеніе въ карцеръ на хлѣбъ и на воду, оставленіе безъ булки или обѣда, неувольненіе въ отпускъ. Мало кто изъ начальниковъ давалъ себѣ трудъ сближаться нравственно съ кадетами и вообще, въ суровыя времена Клингера, кадеты не любили своихъ начальниковъ и считали ихъ несправедливыми. Суровость воспитателей неизбѣжно дѣлала суровыми и нравы воспитанниковъ. Подтвержденіемъ этого можетъ служить свято сохранившійся въ наше время обычай: на томъ столѣ, гдѣ недостаетъ посаженнаго въ карцеръ, не ѣсть пироговъ, а передавать всѣ ему, что должны были исполнять сосѣди его за столомъ по правую и по лѣвую руку. Обреченные на исполненіе этой обязанности кадеты очень хорошо понимали, что заключенный двадцати пироговъ съѣсть не можетъ и что при передачѣ пироговъ ихъ непремѣнно поймаютъ и высѣкутъ, но не смотря на это, не было примѣра, чтобы они отъ этого отказались. Во всякомъ случаѣ, по мнѣнію кадетъ, это служило демонстраціей противъ будто бы несправедливаго наказанія, не принимая въ соображеніе, что мнѣніе это, по большей части, было неправильно. Этотъ дикій обычай, державшійся, не смотря на самыя строгія наказанія для его искорененія, имѣлъ только ту хорошую сторону, что приучалъ кадетъ къ самопожертвованію для своихъ товарищей, что такъ важно на военномъ поприщѣ, къ которому они себя предназначали. Это маленькое правонарушеніе служило къ созиданію великаго дѣла. Оно воспитало духъ товарищества, духъ взаимно-помощи и состраданія, который придаетъ каждой средѣ теплоту и жизненность, съ утратой коихъ люди перестаютъ быть людьми и становятся холодными эгоистами, не способными ни къ какому дѣлу, требующему самоотверженія и доблести.

Образованіе въ корпусѣ шло гораздо успѣшнѣе воспитанія. 1-й верхній классъ былъ выпускнымъ и въ немъ было нѣсколько отличныхъ преподавателей.

Матвѣй Ивановичъ Талызинъ преподавалъ логику, русскую исторію и словесность и занималъ часто воспитанниковъ переводами съ французскаго языка на русскій. Талызинъ былъ

плотный, красивый и чрезвычайно представительный мужчина. одаренный замѣчательнымъ краснорѣчіемъ. Онъ написалъ русскую исторію и логику, но слогъ его былъ очень тяжелъ, что казалось весьма страннымъ при его дарѣ слова, тѣмъ болѣе, что въ то время Карамзинъ и Жуковскій въ своихъ сочиненіяхъ давали великолѣпные образцы до какого сладкозвучія можетъ быть доведенъ русскій языкъ и самъ Талызинъ часто читалъ намъ ихъ произведенія съ замѣчательнымъ искусствомъ. Такого чтеца, какъ онъ, я встрѣтилъ въ моей жизни лишь въ одномъ Осинскомъ, профессорѣ словесности въ прежнемъ Варшавскомъ университетѣ. Талызинъ не позволялъ ничего учить наизусть, но требовалъ объясненія своими словами, что научило его воспитанниковъ хорошо говорить и писать. Съ благодарностію вспоминаю о почтенномъ Матвѣѣ Ивановичѣ, котораго такъ обожали его ученики и которому я считаю себя обязаннымъ моимъ умственнымъ развитіемъ.

Коля въ обученіи французскому языку слѣдовалъ тому же методу, какъ и Талызинъ, и доказательствомъ его успѣшности для прилежнаго ученика было то, что я легко читалъ французскія сочиненія и могъ посредственно объясняться и писать по французски, что такъ трудно приобрѣтается и нынѣ въ учебныхъ заведеніяхъ. По указанію Коля я перевелъ въ 1820 году на русскій языкъ „Eloge de Marc Aurele de Thomas“ и Талызинъ остался доволенъ этимъ переводомъ.

По предложенію Талызина я написалъ статью по случаю кончины Петра Петровича Коновницына, послѣдовавшей 22 августа 1822 года. Статья эта была напечатана, въ сентябрѣ мѣсяцѣ того-же года, въ „Благонамѣренномъ“, журналѣ Измайлова, въ № XXXVI. Появленіе моего сочиненія въ первый разъ въ печати доставило мнѣ большое удовольствіе. Семейство Коновницына нѣсколько разъ изъявляло мнѣ благодарность за статью.

Высшую математику преподавалъ Николай Фуссъ, бывшій потомъ секретаремъ академіи наукъ; Черкасовъ и Шмидтъ читали весьма удовлетворительно военныя науки.

Преподавателями закона Божія, въ верхніе классы, назначали ученыхъ архимандритовъ, которыхъ года чрезъ два посвящали въ архіереи. Каждый годъ бывалъ публичный экзаменъ закона Божьяго. На одномъ изъ нихъ я получилъ за свой от-

вѣтъ одобреніе отъ митрополитовъ: православнаго Михаила (Десницкаго) и католическаго Сестренцевича.

Съ удовольствіемъ вспоминаю также объ учителѣ фехтованія, знаменитомъ Сивербриѣ, такъ какъ я страстно любилъ фехтованіе на шпагахъ и былъ лучшимъ его ученикомъ. Гавеманъ былъ достойнымъ его сотрудникомъ, обучая драться на сабляхъ.

Изъ другихъ учителей упомяну: о Вольгемутѣ, учителѣ физики; Гапателѣ, преподававшемъ или, лучше сказать, заставлявшемъ учениковъ долбить наизусть, всеобщую исторію на французскомъ языкѣ, на которомъ три четверти учениковъ ничего не понимали и читали свой урокъ какъ попугай; Шмыгинѣ, учителѣ географіи; наконецъ, о Штемлерѣ, учителѣ нѣмецкаго языка, которому, по странному предрасудку, вкоренившемуся между русскою молодежью, никто не хотѣлъ учиться, хотя нѣмецкій языкъ, для практическихъ цѣлей, необходимѣе для русскаго всякаго другаго языка.

Это воспоминаніе объ учителяхъ 1-го корпуса можетъ дать понятіе о всей программѣ наукъ, въ немъ проходившихся.

Кадетъ верхнихъ классовъ два раза въ недѣлю водили въ манежъ, для обученія верховой ѣздѣ, что было для нихъ самымъ главнымъ удовольствіемъ. Лошадей въ корпусѣ было до 20-ти и изъ нихъ много хорошей ѣзды. Берейторами были Вороновъ и потомъ Кайзеръ.

Директоръ Перской имѣлъ обыкновеніе кадетъ прилежныхъ и по его мнѣнію даровитыхъ переводить изъ одного класса, до окончанія въ немъ курса, въ другой высшій, иногда черезъ два класса, какъ то случилось со мною; но что еще хуже, за лѣность, дурное поведеніе и особенно старикадетство онъ отсылалъ въ 7-й классъ, и лишалъ, такимъ образомъ, кадетъ, иногда дѣйствительно даровитыхъ, дальнѣйшаго образованія, такъ какъ въ 7-мъ классѣ, гдѣ преподавались только первоначальныя науки, сидѣли кадеты двадцатилѣтняго возраста и были выпускаемы офицерами въ гарнизонъ, а иногда и унтеръ-офицерами. Столь безчеловѣчное правило портило будущую карьеру многихъ изъ ожесточенныхъ, которыхъ можно бы было навести на хорошій путь болѣе гуманнымъ обращеніемъ. Старыми кадетами называли въ корпусѣ тѣхъ, которые считали правиломъ быть грубыми съ начальниками и учителями, худо учиться и имѣть ноги колесомъ.

Ө. Г. Батуринъ, опредѣлившій меня въ корпусъ, рекомендовалъ меня своему пріятелю, корпусному капитану Карлу Ивановичу Мердеръ, бывшему потомъ наставникомъ цесаревича, впоследствии императора, Александра Николаевича; я часто бывалъ въ семействѣ Мердера, который былъ командиромъ гренадерской роты и вскорѣ былъ переведенъ въ эту роту, гдѣ въ 1820 году произведенъ въ унтеръ-офицеры. Мердеръ былъ гуманнѣе прочихъ командировъ ротъ и имѣлъ болѣе правильную педагогическую систему. Въ 1821 году я былъ назначенъ фельдфебелемъ во 2-ю роту капитана Криницкаго, въ которой и оставался до выпуска. Вообще я былъ всегда отличаема какъ директоромъ, такъ и другими начальниками, строго сохраняя, впрочемъ, товарищескія отношенія, почему, не смотря на видимое предпочтеніе начальства, не имѣлъ никогда непріятностей отъ товарищей. Лучшими моими пріятелями были: Колотовъ Павелъ, Татариновъ, Трубниковъ. Висковатовъ Александръ, уже умершіе, и Драчевскій 1-й, замѣчательный математикъ, убитый при взятіи Варшавы въ 1831 году.

Страсть къ наукамъ и отличная память давали мнѣ возможность быть по всѣмъ предметамъ изъ первыхъ учениковъ. Свойство моей памяти было такое, что, прочтя разъ урокъ, я могъ его повторить словесно безъ ошибки, но за то прочитанное скоро и забывалъ. Эта легкость, съ какою я могъ сдавать уроки, была для моего образованія большимъ вредомъ, потому что не дѣлало его прочнымъ и позволяло употреблять свободное время на чтеніе, къ которому я пристрастился съ дѣтства, разныхъ книгъ безъ разбора.

Говоря о своихъ качествахъ, опредѣлившихъ до извѣстной степени дальнѣйшее теченіе моей жизни, не могу умолчать еще о двухъ, такъ сказать, наслѣдственныхъ: я наслѣдовалъ отъ своего отца веселость характера и отъ матери доброту сердца. Двѣ эти характеристическія черты не оставляли меня до глубокой старости; веселость доставляла мнѣ успѣхи въ обществѣ, какъ пріятнаго собесѣдника, доброта же хотя иногда мѣшала успѣхамъ моимъ по службѣ, но привязывала ко мнѣ подчиненныхъ.

Изъ корпуса я часто ходилъ въ отпускъ, преимущественно въ семейство Бартдинскихъ, съ тремя братьями котораго былъ весьма друженъ, и съ ними въ домъ адмирала Пустошкина.

въ дочь котораго, Александру, 25-ти лѣтъ, былъ влюбленъ. Иногда брала меня къ себѣ Анна Николаевна Батурина, вдова бригадира екатерининскихъ временъ, бывавшая сама при дворѣ покойной императрицы. Батурина возила меня иногда въ гости къ пріятелю ея извѣстному адмиралу Шишкову, патріотическіе манифесты котораго мнѣ случалось читать въ дѣтствѣ въ 1812 году. Манифесты эти я читалъ сформированной мною командѣ школьниковъ въ Кашинѣ, вѣроятно для возбужденія ихъ мужества при нападеніи на огороды Клобуковскаго монастыря, о чемъ упомянуто выше.

Къ выпуску въ 1823 году, кромѣ меня, предназначалось въ артиллерію, саперы, армію и къ статскимъ дѣламъ 65 чело-вѣкъ. На произведенныхъ экзаменахъ, по полученнымъ балламъ по наукамъ и поведенію, я оказался первымъ ученикомъ.

Не могу не упомянуть объ одномъ происшествіи, бывшемъ передъ выпускомъ, въ которомъ демонстрація передачи пироговъ имѣла печальныя послѣдствія. Выпускные этого года позволяли себѣ разные строго запрещенные поступки, т. е., по кадетскому выраженію, очень кутили. Начальство вынуждено было примѣнить для нѣкоторыхъ самую строгую мѣру наказанія — заключеніе въ *jeu de roquette*¹⁾. По рѣшенію большинства выпускныхъ, не смотря на протесты нѣкоторыхъ и въ томъ числѣ меня, въ одинъ день послѣдовало распоряженіе всѣмъ кадетамъ передать пироги заключеннымъ въ жѣдепомѣ, и потому послѣ обѣда принести ихъ въ назначенное мѣсто. Подъ вечеръ вся толпа выпускныхъ, чело-вѣкъ до 50-ти, исключая фельдфебелей, отправилась въ садъ, перелѣзла чрезъ высокую стѣну и чрезъ рѣшетки оконъ завалила пирогами карцеры арестованныхъ. Начальство, вѣроятно, было предувѣдомлено, потому что дежурный по корпусу, полковникъ Эллерманъ, и дежурные по ротамъ офицеры, съ командою всѣхъ служителей, направились въ садъ ловить нарушителей порядка. Увидя себя, при возвращеніи въ садъ, окруженными, выпускные кадеты построились въ густую колонну и, отбиваясь отъ служителей, желавшихъ схватить

¹⁾ Жѣдепомѣ (*jeu de roquette*) мрачное зданіе, высящееся за восточной стѣной корпуснаго сада, гдѣ была устроена, вѣроятно, при директорѣ корпуса Ангальтъ, зала для этой игры, имѣвшей въ то время въ Петербургѣ много охотниковъ. Назначеніе этого зданія уже измѣнено.

нѣкоторыхъ изъ нихъ, достигли главныхъ воротъ сада, но нашли ихъ запертыми. Не думая долго, вся колонна начала раскachi-вать ворота, ударяя въ нихъ, какъ таранами. Одна изъ огромныхъ половинокъ воротъ соскочила съ петель и упала всею тяжестью на стараго швейцара, очень любимаго кадетами, который, стоя на другой сторонѣ рѣшотчатыхъ воротъ, употреблялъ все свое краснорѣчіе, чтобы ихъ остановить. Бѣдный швейцаръ получилъ опасный ушибъ и на другой день умеръ. Рассказывали, что дежурный полковникъ и одинъ офицеръ получили удары брошенными палками.

Несчастное происшествіе это навело ужасъ на весь корпусъ. На другой день потребовали всѣхъ фельдфебелей въ директору. Михаилъ Степановичъ Перской, въ ужасномъ гнѣвѣ, объявилъ имъ, что примѣрно накажетъ весь выпускъ за столь небывалое буйство. Г'орько упрекалъ ихъ въ томъ, что они имѣютъ такъ мало хорошаго вліянія на товарищей, что не могутъ удержать ихъ отъ подобныхъ безобразій. Перской, когда былъ разгнѣванъ, имѣлъ привычку сильно тыкать въ грудь пальцемъ того, съ кѣмъ говорилъ; въ эту минуту онъ обращался съ выговорами ко мнѣ, какъ первому по выпуску, и я, привыкшій во все время пребыванія въ корпусѣ слышать отъ директора однѣ похвалы, въ продолженіе получаса долженъ былъ переносить эти ужасные тычки, отъ которыхъ долго потомъ болѣла у меня грудь. Онъ не дождался, однако, чтобы фельдфебеля указали ему зачинщиковъ, въ чемъ, полагаю, онъ и не нуждался, потому что, при шалостяхъ массою, онъ не затруднялся кто долженъ былъ отвѣчать.

Въ тотъ же день, при собраніи всего корпуса, были наказаны по его выбору розгами, такъ же жестоко, какъ въ то время наказывали солдатъ, нѣсколько выпускныхъ и нѣкоторые изъ нихъ выписаны изъ корпуса въ солдаты. Никому изъ выпускныхъ не дали подарковъ, которые обыкновенно раздавались на актѣ, послѣ экзаменовъ, и я лишился нѣсколькихъ томовъ прекрасныхъ книгъ и пары золотыхъ рапиръ, назначенныхъ мнѣ, какъ первому ученику и лучшему фехтовщику.

Я нарочно распространился объ этомъ происшествіи, чтобы показать закоренѣлость убѣжденія кадетъ въ несправедливости дѣйствій ихъ начальства и безпрекословное исполненіе ими това-

ришескихъ распоряженій, въ увѣренности, что они должны быть непремѣнно правильны. Въ этомъ случаѣ распоряженіе передавать пироги было сдѣлано небольшою группою выпускныхъ, а исполняли его кадеты всего корпуса. Постараюсь выяснитъ причины столь ненормальнаго положенія.

Въ екатерининское время 1-й шляхетскій кадетскій корпусъ былъ однимъ изъ лучшихъ образовательныхъ учрежденій, не только въ Россіи, но въ цѣлой Европѣ; онъ доставилъ своему отечеству нѣсколько знаменитыхъ военачальниковъ и государственныхъ дѣятелей, снабжалъ армію отличными офицерами и вообще много послужилъ къ распространенію просвѣщенія въ Россіи. Двояродный братъ Екатерины II, гр. Ангальтъ, назначенный ею директоромъ 1-го корпуса, посвящалъ ему все свое время, и корпусъ представлялъ настоящее семейство, подъ руководствомъ глубоко гуманнаго, высоко образованнаго, любящаго отца-педагога. Послѣ его кончины, при измѣненіи государственныхъ взглядовъ Екатерины, произведенномъ ужасами французской революціи, она рѣшила уничтожить либеральное направленіе, данное гр. Ангальтомъ воспитанію и образованію кадетъ 1-го корпуса. Введеніе строгой военной дисциплины въ учрежденіе, привыкшее къ отеческому обращенію гр. Ангальта, натурально возбудило сильное негодованіе между воспитанниками и внушило имъ недовѣріе къ справедливости начальства, по сравненію съ прежнимъ ихъ положеніемъ. Вновь вступавшіе въ корпусъ, разумѣется, принимали мнѣніе ихъ старшихъ товарищей, которое съ теченіемъ времени укоренилось и выработало, такъ сказать, нравственный кодексъ отношеній кадетъ къ ихъ начальникамъ. По правиламъ этого кодекса, вошедшимъ въ плоть и кровь кадетъ, должна была существовать крѣпкая, тѣсная связь между товарищами. Каждый кадетъ долженъ былъ рассчитывать на собственныя свои способности и никогда не прибѣгать къ заискиванію предъ начальствомъ—прибѣгающихъ къ этому обзывали „подъегощниками“ и презирали—никогда не выдавать своего товарища, сдѣлавшаго подобную вещь клеймили прозвищемъ егозы или шпіона, и жизнь его между товарищами дѣлалась невыносимою.

Свято сохраняемыя правила неискательства и товарищества и по выходѣ изъ корпуса дѣлали изъ кадетъ 1-го корпуса замѣчательный типъ военныхъ людей, весьма уважаемый въ русской

арміи. Безъ свѣтскаго лоска, немного грубоватый, неискательный, готовый на самопожертвованіе для товарищества, искренній патріотъ,—вотъ главныя черты этого военнаго типа, столь полезнаго для поддержанія корпоративнаго духа въ войсѣхъ. Какъ бы ни различно было служебное и имущественное положеніе, въ которое становились съ теченіемъ времени питомцы 1-го кадетскаго корпуса, одного названія однокашника было достаточно, чтобъ они обходились другъ съ другомъ, какъ старые товарищи.

Императоръ Павелъ уничтожилъ все хорошее, оставшееся еще послѣ Ангальта въ корпусѣ, а Николай I назначеніемъ такихъ управляющихъ военно-учебными заведеніями, какъ Демидовъ и Сухозанетъ, много повредилъ умственному и нравственному развитію воспитанниковъ.

Желая служить вмѣстѣ съ пріателемъ моимъ Павломъ Лукичемъ Колотовымъ, я просилъ цесаревича великаго князя Константина Павловича назначить меня въ лейбъ-гвардіи 5-ю батареиную артиллерійскую роту. Командиръ роты, полковникъ Николай Ивановичъ Корфъ, на запросъ великаго князя отвѣчалъ, что въ ротѣ не имѣется офицерской вакансіи. Тогда пріятель Колотова, подпоручикъ л.-гв. Литовскаго полка Николай Афанасьевичъ Обручевъ, просилъ назначить меня, какъ будто бы двоюроднаго его брата, для совмѣстнаго служенія съ нимъ въ л.-гв. Литовскій полкъ, на что великій князь и согласился. Считаю себя много обязаннымъ Обручеву какъ за эту просьбу, такъ и за подробное наставленіе, получаемое мною отъ него на счетъ обмундированія, дороги и жизни въ Варшавѣ. Вѣроятно ни одинъ настоящій двоюродный братъ не сдѣлалъ бы болѣе.

Въ февралѣ 1823 г. вел. кн. Константинъ Павловичъ пріѣхалъ въ Петербургъ, и по его приказанію директоръ Перской повелъ меня въ Мраморный дворецъ для представленія. Едва вошли мы въ залъ, наполненный генералами, какъ вышедшій изъ кабинета великаго князя камердинеръ сказалъ, что его выс-во спрашиваетъ кадета Одинцова. Вошедши одинъ въ кабинетъ, я увидалъ великаго князя въ сюртукѣ, безъ эполетъ, л.-гв. Подольскаго кирасирскаго полка, который онъ обыкновенно носилъ у себя дома. Константинъ Павловичъ былъ въ веселомъ расположеніи духа, очень любезно благодарилъ меня за успѣхи въ наукахъ и за желаніе служить подъ его началь-

ствомъ, но какъ, по несчастію, въ 5-й батареинной ротѣ нѣтъ вакансій, то онъ будетъ просить государя произвести меня въ офицеры въ л.-гв. Литовскій полкъ. При этомъ онъ прибавилъ, что изъ меня выйдетъ славный гренадеръ, а во мнѣ росту было 2 аршина 4 вершка. Потомъ великій князь далъ мнѣ стоявшее тутъ солдатское ружье и приказалъ дѣлать приемы и маршировать. Эта эксцентрическая выходка и тяжесть ружья, въ сравненіи съ кадетскимъ, сначала изумили меня, однако, я успѣлъ исполнить требуемое, къ удовольствію великаго князя. Потомъ Константинъ Павловичъ сказалъ, чтобъ я не дѣлалъ себѣ здѣсь никакого платья, а что онъ прикажетъ обмундировать меня по приѣздѣ въ Варшаву, куда беретъ меня съ собою, и спросилъ еще есть ли у меня что надѣть на дорогу? Я отвѣчалъ, что у меня куплень тулупъ. Тогда великій князь позвалъ своего камердинера Фрица и спросилъ, взялъ ли онъ съ собою его виговую фуфайку, и на отвѣтъ, что она здѣсь, сказалъ:

— „Фрицъ, отдай ее Одинцову, ему теплѣе будетъ ѣхать“.

Поблагодаривъ великаго князя за столь неожиданную любезность, я, съ коричневой фуфайкой въ рукахъ, вышелъ изъ кабинета и, разумѣется, былъ закиданъ вопросами генераловъ, удивленныхъ видѣть меня съ такою ношею.

На другой день, 27-го февраля 1823 г., высочайшимъ приказомъ я былъ произведенъ прапорщикомъ въ л.-гв. Литовскій полкъ, что было исключеніемъ, потому что въ то время изъ корпусовъ прямо въ гвардію рѣдко выпускали.

Послѣ опредѣленія въ корпусъ это былъ второй въ моей жизни счастливый случай, испорченный только тѣмъ, что, отправляясь съ великимъ княземъ, я не могъ повидаться съ своими родителями, что обыкновенно дозволялось выпускаемымъ изъ корпуса кадетамъ.

Привезъ меня въ Варшаву, 2-го марта 1823 г., фельдъегерь Константина Павловича Максимъ Ивановичъ Ивановъ, турокъ родомъ, замѣчательный тѣмъ, что при взятіи Измаила былъ спасенъ ребенкомъ и призрѣнъ русскими.

Примѣчаніе. Со времени Николая I-го начали входить въ обычай общественные обѣды: кавказцевъ, бывшихъ студентовъ университетовъ, лиценстовъ, севастопольцевъ, дѣятелей по освобожденію крестьянъ и бывшихъ воспитанниковъ разныхъ учебныхъ заведеній. Обѣды эти доставляли большое удовольствіе

свиданіемъ съ нестрѣчаемыми давно товарищами по школѣ и воспоминаніями юности; но въ нихъ было и много полезнаго, для утвержденія корпоративнаго или, лучше сказать, дружиннаго духа.

Въ 1877 г. одинъ изъ бывшихъ кадетъ 1-го корпуса, Петръ Владиміровичъ Жуковскій, взявъ на себя починъ пригласить прежнихъ кадетъ этого корпуса на общій товарищескій обѣдъ, въ день учрежденія 1-го Шляхетскаго кадетскаго корпуса, 17-го февраля 1732 г.

Первый обѣдъ этотъ состоялся въ гостинницѣ Палкина, на Невскомъ проспектѣ, и соединилъ, по открытой подпискѣ по 8 рублей съ персоны, до 122 человекъ. Старѣйшими на ономъ по выпуску — оказались я и Бликасевъ выпуска 1823 г. Обѣдъ отличался чрезвычайнымъ одушевленіемъ и неподдѣльною веселостію, что было и на слѣдующихъ за нимъ. Припомнивъ то время, когда государь Александръ II и братья его, Николай и Михаилъ, находились въ рядахъ 1-го корпуса, собравшіеся кадеты рѣшили написать икону Св. Александра Невскаго и Θεодора Тихона, чествуемаго православною церквію въ день основанія 1-го корпуса, 17-го февраля, и поднести ее государю, что и было, съ соизволенія его, исполнено.

Въ 1879 г., кромѣ бывшихъ кадетъ 1-го корпуса, были приглашены, по ихъ просьбѣ, и офицеры, выпущенные изъ юнкеровъ 1-го военного училища, какъ составляющаго продолженіе 1-го корпуса, помѣщающагося въ томъ же историческомъ зданіи и унаслѣдовавшаго отъ 1-го корпуса знамя, его особый наградной знакъ (hausse col), музей и бібліотеку.

Меню обѣдовъ писались на изображеніи красныхъ погоновъ 1-го корпуса, соображаясь съ блюдами, которыя давались въ корпусѣ, напр., щи кислые, грешневка, рыба по кадетски, бобровскій куличъ, фунтики съ пряниками, которые отпускались кадетамъ по большимъ праздникамъ. Передъ обѣдомъ были повѣстки и все шло къ обѣду, подъ звуки стариннаго марша 1-го корпуса. Начинали и кончали обѣдъ молитвою, которую пѣли все присутствовавшіе, какъ бывало въ корпусѣ.

На каждомъ обѣдѣ П. В. Жуковскій читалъ стихи своего сочиненія, возбуждавшіе всегда громкіе аплодисменты. Происходило множество спичей и тостовъ. Со всехъ концовъ Россіи получались поздравительныя телеграммы отъ однокашниковъ, которые сейчасъ-же прочитывались. Собирали деньги для нуждающихся бывшихъ кадетъ, для чего г. Волошиновъ одинъ пожертвовалъ семь тысячъ рублей. Изъ сего сбора часть была употреблена на временныя вспоможенія, а остальная часть на учрежденіе при 1-мъ кадетскомъ корпусѣ, названіе котораго было возобновлено въ 1882 г., стипендіи имени бывшихъ кадетъ первоначальнаго 1-го корпуса.

Въ 1882 году, въ полуторастолѣтнюю годовщину 1-го корпуса, былъ выбитъ жетонъ.

Въ 1883 году начали составлять альбомъ фототипическихкихъ портретовъ бывшихъ кадетъ.

Распорядителями собраній согласились быть Жуковскій, Лаурентьевъ и Зыковъ. Предсѣдателями обѣдовъ, по старшинству выпуска, были въ 18..? Н. П. Цѣловъ выпуска 1817 г., въ 1882 г. А. П. Гилденштуббе выпуска 1819 г., Г. Дижуби выпуска 1819 г., на прочихъ-же обѣдахъ я — выпуска 1823 г.

Въ 1884 г., когда пили за мое здоровье, какъ предсѣдательствующаго въ этотъ день, я благодарилъ собраніе слѣдующими словами:

— «Душевно благодарю любезныхъ однокашниковъ за пожеланіе мнѣ здо-

ровья, которое тѣмъ болѣе для меня дорого, что позволяетъ мнѣ находиться на всѣхъ нашихъ дружескихъ собраніяхъ, на которыхъ, къ сожалѣнію моему, кромѣ трехъ, я оказываюсь самымъ старымъ между вами: одно мнѣ весьма пріятно, что на продолжительномъ моемъ жизненномъ пути мнѣ приходилось, по большей части, встрѣчать между старыми кадетами честную жизнь, вѣрную, не заискивающую ни чьего покровительства службу и непомятно теплое чувство товарищества, которое и мы, старики, вступившіе на девятый десятокъ, не перестаемъ сохранять свято и значить сохранимъ и до конца нашей жизни, что, твердо убѣжденъ, и будетъ со всеми вами».

А. А. О.

III.

Служба въ гвардейскомъ отрядѣ въ Варшавѣ.

Пріѣздъ въ Варшаву. — Составъ гвардейской дивизіи. — Общество офицеровъ. — Фаворитизмъ. — Пущинъ. — Андрей и Николай Одинцовы. — Увлеченіе книгами политическаго содержанія. — Литовскій полкъ на дурномъ счету. — Умственные занятія. — Нововведенія: школа плаванія. — Фехтованіе.

1823—1830 гг.

Служба въ Варшавѣ тѣмъ болѣе меня прельщала, что представляла уже нѣчто заграничное, которое видѣть я давно мечталъ, но увидѣлъ уже въ позднюю пору моей жизни.

2-го марта 1823 г. я прибылъ въ Варшаву и, по условію съ моимъ корпуснымъ другомъ, П. А. Колотовымъ, остановился на квартирѣ пріятеля его л.-гв. Литовскаго полка подпоручика Николая Афанасьевича Обручева, на Сенаторской улицѣ, въ домѣ, называемомъ Бланка-палацъ.

Великій князь Константинъ Павловичъ приказалъ меня обмундировать на его счетъ.

Находившійся въ то время въ Варшавѣ, подъ главнымъ начальствомъ великаго князя Константина Павловича, гвардейскій отрядъ состоялъ изъ полковъ пѣхотныхъ: Литовскаго, польскаго гренадерскаго, егерскаго Волинскаго и польскаго сапернаго баталіона, составлявшихъ гвардейскую дивизію; кавалерійскихъ: Подольскаго кирасирскаго, Уланскаго великаго князя Константина Павловича и польскаго гвардейскаго конно-егерскаго полковъ. Наконецъ, двухъ ротъ л.-гв. артиллерійской 5-й батареи и 3-й конной.

Гвардейской дивизіей командовалъ генераль-лейтенантъ Рихтеръ, командиромъ 1-й бригады и л.-гв. польскаго гренадерскаго полка былъ генераль-маіоръ Жемирскій, а командиромъ л.-гв. Литовскаго полка ген.-маіоръ Василій Михайловичъ Кишкинъ. Командиромъ гвардейскаго корпуса былъ графъ Винцентій Красинскій.

Общество офицеровъ л.-гв. Литовскаго полка отличалось тѣснымъ товариществомъ, либеральными мнѣніями александровскихъ временъ и полнымъ сознаніемъ своего достоинства, какъ корпораціи. Изъ офицеровъ полка было много хорошо образованныхъ, прилежно читавшихъ политическія и военныя сочиненія, а такъ какъ эти офицеры имѣли большое вліяніе на все общество, то и другіе старались слѣдовать ихъ примѣру. Вообще, въ продолженіе всей моей службы, я встрѣчалъ мало гвардейскихъ полковъ, въ которомъ бы былъ такой превосходный духъ, какъ въ Литовскомъ.

Сначала скажу нѣсколько словъ объ ожидавшемъ меня родѣ службы въ Варшавѣ. Великій князь Константинъ Павловичъ имѣлъ репутацію превосходнаго инструктора, въ смыслѣ того времени. Выправка, маршировка, ружейные приемы и различныя построенія фронта въ войскахъ, имъ командуемыхъ, были доведены до совершенства. Онъ ввелъ въ русскую армію французскую методу ружейныхъ приемовъ, со счетомъ про себя. Въ войскахъ, расположенныхъ въ Варшавѣ, было каждый день не менѣе двухъ учений и въ 10 часовъ утра разводъ на Саксонской площади, ежедневно въ присутствіи самаго великаго князя и всѣхъ наличныхъ офицеровъ въ полкахъ.

Всѣ войска, какъ русскія, такъ и польскія, собирались мѣсяца на три въ лагерь подъ Повонсками. Столь часто повторявшіяся механическія занятія были, кажется, достаточны, чтобы совершенно умственно отупѣть; однако, находилось, по счастью, нѣкоторое число офицеровъ, успѣвавшихъ проглотить всего Жюмини, кромѣ другаго чтенія.

Съ наступленіемъ весны Варшава, съ ея прекрасными садами и роскошными тополевыми и каштановыми аллеями, показалась мнѣ прелестною.

Жители изъ поляковъ не имѣли большаго желанія сближаться съ русскими офицерами, а они, въ свою очередь, не искали этого

сближенія, и потому довольствовались только общественными удовольствіями, театрами, концертами въ публичныхъ садикахъ, (ogródki), прогулками и своимъ обществомъ. Всѣ почти офицеры полка были холостые, великій князь не любилъ женатыхъ, что по его мнѣнію было вредно для службы. Когда я прибылъ въ Варшаву, въ полку была только одна полковая дама, жена подпоручика Тинькова, прелестная Прасковья Сергѣевна, всѣхъ насъ очаровывавшая своею добротою и любезностью.

Я былъ весьма радушно принятъ обществомъ полка. Въ непродолжительномъ времени и интеллигенція полка приняла меня въ свою среду, за мою любознательность. Старшіе офицеры побранивали меня иногда за двѣ сходявшіяся во мнѣ крайности серьезнаго человѣка и рѣзкаго шалуна.

Разумѣется, я отдался съ полнымъ увлеченіемъ чтенію, имѣя возможность получать всякаго рода книги. П. Колотовъ прислалъ мнѣ еще въ 1821 году „Essais sur les mœurs de Voltaire“, и это сочиненіе сдѣлалось моею настольною книгою. Вольтеръ, Монтескьё, Франклинъ и Вейссъ опредѣлили въ моей молодости мое міросозерцаніе. Сожитель мой Обручевъ былъ пламенный послѣдователь Руссо и можно представить, какіе споры и пререканія возникали между нами при столь различныхъ доктринахъ. Кромѣ того, Обручевъ былъ очень страннаго и необщительнаго характера. Чрезъ годъ мы разошлись и я сталъ кватировать съ поручикомъ Форсманомъ, шведомъ по рожденію, чрезвычайно образованнымъ и достойнымъ человѣкомъ, съ которымъ и былъ неразлученъ до выступленія изъ Варшавы. Форсману я обязанъ, что онъ пріучилъ меня къ порядку и далъ болѣе системы моимъ научнымъ занятіямъ.

Великій князь былъ со мною очень любезенъ и часто говорилъ своему начальнику штаба Курутѣ:

„Неправда ли, Дмитрій Дмитріевичъ, что Одинцовъ очень похожъ на своего бывшего директора Перскаго“.

— Точно такъ, в. выс—во, отвѣчалъ лстивый грекъ, точно, Михайло Степаныцъ.

Какъ представилось это сходство Константину Павловичу — не понимаю. На первомъ разводѣ, въ которомъ я участвовалъ, великій князь приказалъ поставить меня въ 1-й взводъ и я долженъ былъ парадировать тихимъ шагомъ, передъ взводомъ,

въ которомъ каждый гренадеръ былъ не менѣе 12 вершковъ, въ то время какъ во мнѣ не было и 4-хъ, что его очень забавляло.

Фаворитизмъ мой продолжался до того времени, когда я былъ заподозрѣнъ, какъ атаманъ прапорщической шайки, устроенной съ цѣлью нанесенія разныхъ непріятностей полковнику Варпаховскому, чтобъ принудить его выйти изъ полка.

Варпаховскій былъ нетерпимъ офицерами за его дурной нравъ и жестокое обращеніе съ солдатами; а въ особенности за его исторію съ любимымъ и уважаемымъ въ полку капитаномъ Николаемъ Николаевичемъ Пуцинымъ, который сказалъ во фронтъ, что „если его баталіонный командиръ Варпаховскій станетъ бить солдатъ его роты, то онъ сдѣлаетъ съ нимъ то-же самое“. Великій князь также очень любилъ Пущина и былъ бы готовъ ограничиться относительно легчайшимъ взысканіемъ за это нарушеніе дисциплины, ежели бы Пущинъ извинился предъ Варпаховскимъ въ присутствіи общества офицеровъ полка, а какъ Пущинъ, не смотря на всѣ увѣщанія, на это не согласился, то былъ преданъ суду и разжалованъ въ рядовые.

Въ 1826 году Пущинъ былъ прощенъ и возвратился въ полкъ прежнимъ чиномъ капитана, и съ этихъ поръ началась моя дружба съ нимъ, продолжавшаяся до его кончины.

Жена Пущина, Эмилія Антоновна, бывшая потомъ начальницею Патріотическаго института (въ Петербургѣ), безъ сомнѣнія, одна изъ самыхъ достойныхъ женщинъ, что могу говорить утвердительно, зная всю ея жизнь.

У сожителя моего, Форсмана, были два пріятеля швейцарца: Фавръ, воспитатель барона Винценгероде, и де-Фошъ, съ которыми я также скоро подружился и общество которыхъ имѣло самое благотѣльное вліяніе на умственное мое развитіе. Фавръ былъ ученый педагогъ, а де-Фошъ въ полномъ смыслѣ практическій человѣкъ, жившій въ разныхъ странахъ Европы и, кромѣ того, самый веселый и любезный свѣтскій собесѣдникъ. Разумѣется, нашъ языкъ былъ французскій, что дало мнѣ возможность, чрезъ два года послѣ выпуска изъ корпуса, совершенно свободно говорить по французски.

Какой человѣкъ былъ я въ 22 года моей жизни? Трудно 75 лѣтнему Одинцову, столь измѣненному житейскимъ опытомъ, сказать вѣрное о 22-хъ лѣтнемъ Одинцовѣ, ежели бы не со-

хранился листокъ, на которомъ я въ 1825 году записалъ слѣдующія черты моего тогдашняго характера: самолюбивъ, старается сдѣлаться лучшимъ, вѣтренъ, безпеченъ, хорошій другъ, желаетъ лучше быть несчастнымъ, но оставаться всегда честнымъ, лѣнивъ, нетерпѣливъ, нехладнокровенъ къ благорасположенію вышнихъ, но не способенъ достигать онаго недостойными средствами; исполненъ любви сыновней, страстенъ къ удовольствіямъ свѣта, имѣетъ цѣлью заслужить общую любовь, обязанъ занятію науками многими счастливыми минутами своей жизни, предпочитаетъ три общества: образованныхъ и опытныхъ людей, милыхъ женщинъ и дружеское военное, гдѣ душа на распашку.

На этомъ же листкѣ написано: стараться всегда вести себя въ духѣ той среды, въ которой находишься (хотя наружно), ежели это не сопряжено съ нарушеніемъ чести или нравственности. Полагаю, что это правило руководило мною въ отношеніи товарищей, которыми я былъ весьма любимъ во все время пребыванія моего въ полку. Веселость моя одушевляла общество, а разсудительность дѣлала полезнымъ совѣтникомъ для молодежи, столь часто увлекающейся. Не менѣе двадцати ссоръ было окончено моимъ вліяніемъ миролюбиво, такъ что впослѣдствіи я получилъ насмѣшливое прозвище „мирнаго секунданта“.

Въ 1826 году младшій братъ мой Андрей, вышедшій послѣ меня изъ корпуса, по моей просьбѣ, былъ переведенъ изъ артиллеріи Литовскаго корпуса въ нашъ полкъ. Андрей былъ олицетворенная безпечность, всецѣло преданный кутежу, но замѣчательно добродушный и любимый товарищами. Такъ какъ онъ стоялъ съ нами на одной квартирѣ, то отъ меня и Форсмана, который въ противоположность былъ олицетвореніемъ порядка, Андрею много доставалось брани, но безъ успѣха. Старшій братъ мой, Николай, выпущенный изъ 2-го кадетскаго корпуса къ статскимъ дѣламъ, вскорѣ женился и поселился въ имѣніи жены своей, сельцѣ Кузнецовѣ, Новгородской губерніи, Устюжскаго уѣзда.

Вся его жизнь проведена въ деревнѣ; нѣсколько лѣтъ онъ управлялъ въ Ярославской губерніи селомъ Великимъ, извѣстнымъ полотнянымъ промысломъ. Братъ Николай, какъ всѣ мы, былъ характера веселаго, очень умный и начитанный. Въ 1826 году я ѣздилъ на два мѣсяца въ отпускъ, но отца уже не засталъ въ живыхъ, онъ скончался 11 августа.

Вскорѣ послѣ моего прибытія въ полкъ, общество офицеровъ онаго сдѣлалась для меня какъ родная семья. Я упоминалъ уже выше, что много офицеровъ Литовскаго полка не позволяло себѣ гложуть въ однихъ только чисто механическихъ фронтовыхъ занятіяхъ, но старалось теоретически знакомиться съ настоящимъ военнымъ дѣломъ и развивать свой умъ другимъ разнообразнымъ чтеніемъ, особенно политическихъ сочиненій. Всѣ вообще были пылкіе сторонники парламентаризма, хотя ни отъ одного я не слышалъ, что прежде испытанія его въ своемъ отечествѣ необходимо освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости.

Константинъ Павловичъ не любилъ, чтобъ офицеры занимались науками, тѣмъ болѣе политическими, и потому Литовскій полкъ былъ у него на дурномъ счету и за нимъ шпионничали болѣе, нежели за польскими полками. Возникшія потомъ происшествія ясно доказали, что мнѣніе великаго князя было ошибочно и что литовцы никому не уступали въ патріотизмѣ. Доказательствомъ тому служить тотъ фактъ, что во время возмущенія въ Варшавѣ Константинъ Павловичъ назначилъ для собственнаго своего конвоя 2-й баталіонъ л.-гв. Литовскаго полка, въ которомъ я былъ баталіоннымъ адъютантомъ.

Для памяти, приведу здѣсь имена офицеровъ, составлявшихъ эту интеллигенцію полка, о которой я говорилъ выше:

Полковники: Карлъ Григорьевичъ Энгельманъ, Иванъ Афанасьевичъ Вилленбаховъ.

Капитаны: Аполлонъ Ильичъ Бибиковъ, Михаилъ Ивановичъ Жеребцовъ, Николай Николаевичъ Пущинъ.

Штабсъ-капитаны: Иванъ Кирилловичъ Высоцкій, Валеріанъ Макаровичъ Мичуринъ, Дмитрій Андреевичъ Хвощинской, Владиміръ Петровичъ Желтухинъ.

Поручики: Карлъ Ивановичъ Фохтъ, Алексѣй Александровичъ Левановъ, Петръ Александровичъ Гренеръ, Андрей Ѳеодоровичъ Лишинъ ¹⁾, Александръ Осиповичъ Іошнинъ.

Подпоручики: Сергій Николаевичъ Тиньковъ, Николай Викторовичъ Веригинъ ¹⁾, Николай Афанасьевичъ Обручевъ, Александръ Александровичъ Гренеръ 2-й, Иванъ Яковлевичъ Фореманъ.

Прапорщики: Николай Ѳеодоровичъ Дебринкенъ, Ѳеодоръ Егоровичъ Рихтеръ, Павелъ Антоновичъ Крыжановскій, Павелъ Федоровичъ Довре, Мартинъ Павловичъ Якубовской, Петръ Карловичъ Романовской, Геннадій

¹⁾ Въ архивѣ «Русской Старины» имѣются, между прочими, съ 1870 года и будутъ напечатаны записки А. Ѳ. Лишина и Н. В. Веригина. Оба они уже покойники.

Ивановичъ Кореневъ, Ѳеодоръ Андреевичъ Катенинъ, Александръ Ивановичъ Корвино-Красинской, Іосифъ Игнатьевичъ Пузыня, Дмитрій Антоновичъ Ѳеодоровъ, Егоръ Яковлевичъ Овандеръ, Сергій Петровичъ Озеровъ, Анзельмъ Амвросьевичъ Тышинской, Александръ Александровичъ Аршеневской, Александръ Астафьевичъ Забѣлло, Фридрихъ Ивановичъ Гинне, Ѳеодоръ Петровичъ Фокъ, Николаѣ Петровичъ Макаровъ.

Можетъ быть, по давнему времени, я ошибся въ составленіи этого списка бывшихъ моихъ товарищей, раздѣлявшихъ со мною любовь къ чтенію, но во всякомъ случаѣ я убѣжденъ, что списокъ этотъ пришлось бы только увеличить и потому прошу прощенья у тѣхъ, кого мимовольно здѣсь пропустилъ.

Что касается до меня, то я старался не отставать отъ моихъ сослуживцевъ и, по примѣру ихъ, все мое свободное время посвящалъ чтенію, дѣлалъ выписки и анализы прочитаннаго, переводилъ, выучился скоро по польски, такъ что могъ слушать нѣкоторыя лекціи въ варшавскомъ университетѣ, особенно курсъ словесности профессора Осинскаго, переводчика на польскій языкъ нѣкоторыхъ трагедій Корнеля и Расина. Осинскій былъ великолѣпный чтецъ и лекціи его привлекали все интеллигентное общество Варшавы. Цукерня (кондитерская) швейцарца Лурса доставляла намъ возможность читать европейскіе журналы, чего иначе намъ бы не удавалось, и при страсти нашей къ политикѣ было бы большимъ лишеніемъ.

Изъ французскихъ газетъ, однако, приходилось довольствоваться „Gazette de France“, потому что „Journal des Débats“ и другія часто задерживались цензурою. По просьбѣ одного моего хорошаго знакомаго, гр. Валеріана Корвино-Красинскаго, я написалъ по французски въ 1828 году „Apperçu sur la littérature russe pour les quatre dernières années“ для Юліана Урсина Нѣмцевича, извѣстнаго польскаго поэта и въ то время предсѣдателя общества друзей и наукъ (Towarzystwo przjaciół nauk), для рѣчи его о славянскихъ литературахъ. Съ самимъ Нѣмцевичемъ я не былъ знакомъ, но онъ весьма меня благодарилъ чрезъ графа Красинскаго.

Тотъ же Красинскій познакомилъ меня съ однимъ итальянцемъ, аббатомъ Кіарини, который въ 1830 году издалъ въ Парижѣ сочиненіе подъ заглавіемъ: „Théorie du Judaïsme appliquée à la reforme des Israelites de tous les pays de l'Europe

et servant en même temps d'ouvrage préparatoire à la version du Talmud, par l'abbé Louis Chiarini, professeur des langues et antiquités orientales à l'université de Varsovie“.

Аббату Кіарини нужно было перевести на русскій языкъ пространное предисловіе этой книги, подъ заглавіемъ: „Préface à la version du Talmud“, для ознакомленія съ нимъ святѣйшаго синода, чтобъ не встрѣтить потомъ препятствія въ напечатаніи перевода двухъ частей Талмуда, Мишны и Гемары, надъ которымъ онъ уже давно трудился. Императоръ Николай I-й, въ бытность въ Варшавѣ въ 1829 году, одобрилъ это предпріятіе и назначилъ 6 тысячъ золотыхъ на изданіе „Теоріи іудейства“ и 12 тыс. золотыхъ на печатаніе переложенія Талмуда въ шести томахъ.

Графъ Красинскій и Кіарини убѣдительно просили меня предпринять переводъ на русскій языкъ предисловія къ теоріи іудейства. Цѣль Кіарини была доставить правительствамъ, переводомъ Талмуда, средства къ исправленію нравственности евреевъ, такъ какъ онъ считаетъ Талмудъ главною причиною того, что евреи до сихъ поръ составляютъ во всѣхъ странахъ отдѣльный народъ.

Въ виду дѣйствительной пользы, я взялъ на себя этотъ несовсѣмъ для меня пріятный трудъ и перевелъ все предисловіе, въ которомъ болѣе всего меня затрудняло пріисканіе текстовъ въ библии, которые въ оригиналѣ приведены, разумѣется, по французски.

Изъ частыхъ разговоровъ моихъ съ Кіарини я узналъ какія трудности представляетъ переводъ Талмуда, даже при совершенномъ знаніи еврейскаго языка. Талмудисты стараются обыкновенно давать превратный смыслъ словамъ Библии, для чего употребляютъ разныя уловки, какъ, напримѣръ: переименованіе выраженій, игру словъ и проч. Только такой человекъ, какъ Каріани, могъ предпринять этотъ гигантскій трудъ. Я не встрѣчалъ никого такъ исключительно преданнаго своему предмету, это былъ настоящій мономанъ. По несчастію, онъ умеръ въ Варшавѣ въ 1832 году, не приведя къ окончанію любимую мысль всей своей жизни.

Литературныя занятія не отвлекали меня отъ служебныхъ: напротивъ, я исполнялъ ихъ болѣе, нежели мои сотоварищи.

начальство, считая меня способнымъ офицеромъ, возлагало на меня разнообразныя должности, не входившія въ обыкновенный кругъ моихъ прямыхъ обязанностей. Такъ, я завѣдывалъ въ полку особыми командами юнкеровъ, ракетниковъ, застрѣльщиковъ, фехтовщиковъ и полковою школою.

Не смотря на пристрастіе свое къ одиночной выправкѣ и щегольской маршировкѣ, Константинъ Павловичъ первый началъ вводить въ войска обученіе, которое бы развивало силы и ловкость солдата. Имъ были выписаны изъ австрійской арміи инструкторы плаванія, подъ завѣдываніемъ австрійскаго полковника графа Поццо ди Борго, и устроена школа плаванія въ озерѣ Маримонта.

Почти половина польской арміи и русскаго гвардейскаго отряда сдѣлались отличными пловцами и часто производили ученье на Вислѣ, въ которомъ, для сдѣланія предполагаемой высадки на противоположный ея берегъ, цѣлыми баталіонами переправлялись вплавь, при этомъ тащили за собою плоты, на которыхъ помѣщались ружья и суммы съ патронами. Люди были въ купальныхъ штанахъ и въ фуражкахъ. На одномъ изъ такихъ учений я былъ замѣченъ государемъ наслѣдникомъ, нынѣ въ Божѣ почивающимъ императоромъ Александромъ Николаевичемъ, въ 1829 году, о чемъ мнѣ государь потомъ часто припоминалъ.

Введено было въ войскахъ обученіе фехтованію на штыкахъ, сабляхъ и пикахъ, главнымъ инструкторомъ котораго былъ также австріецъ Вагнеръ, который, не знаю почему, назывался наоборотъ, т. е. Ренгау,—фанатически преданный своему искусству и величавшій себя профессоромъ фехтованія на шпагахъ, сабляхъ, штыкахъ и кинжалахъ. Самъ я, какъ страстный любитель фехтованія, разумѣется былъ ревностнымъ помощникомъ Ренгау при обученіи солдатъ, но какъ ученикъ Севербрика, знаменитаго фехтмейстера изящной французской школы, я называлъ Ренгау, по его способу биться на шпагахъ, романтикомъ фехтованія. Въ это время фехтованіе было въ модѣ, и въ Варшавѣ были два зала фехтованія у Ренгау и у француза Прево. Я усердно посѣщалъ эти залы, особенно Прево, гдѣ часто бился съ гр. Валевскимъ, бывшимъ потомъ министромъ иностранныхъ дѣлъ при Наполеонѣ III, и даже съ одной дамой, замѣчательной фехтовщицей итальянкой Багалини.

При великомъ князѣ Константинѣ Павловичѣ введены также въ гвардейскихъ пѣхотныхъ полкахъ ракеты, бросаемыя съ ручныхъ станковъ, носимыхъ солдатами. Ракеты эти, изобрѣтенныя генераломъ польской артиллеріи Бонтанъ, заключали въ себѣ маленькую гранату и имѣли цѣлью, ежели не наносить большаго вреда, то пугать лошадей въ случаѣ кавалерійскихъ атакъ. При пробѣ ихъ разъ одна граната, разорвавшаяся близъ самаго станка, чуть не убила меня вмѣстѣ съ изобрѣтателемъ.

Надъ всѣми этими нововведеніями наблюдалъ любимецъ великаго князя генералъ Трембицкій, бывшій наполеоновскій офицеръ, человекъ очень способный, но большой формалистъ. Онъ написалъ уставы обученія плаванію, фехтованію, застрѣльщицкому ученью съ усиленіемъ ракетами, и я, какъ прикомандированный къ нему, долженъ былъ всѣ эти уставы перевести съ польскаго на русскій языкъ для нашего отряда и Литовскаго корпуса.

А. А. Одинцовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПОСМЕРТНЫЯ ЗАПИСКИ АЛЕКСѢЯ АЛЕКСѢЕВИЧА ОДИНЦОВА

генерала отъ инфантеріи.

Род. 1803, † 1886 г.

IV ¹⁾.

Кончина Александра I. — Отреченіе цесаревича Константина Павловича отъ престола. — Огнны его о полякахъ и польскихъ притязаніяхъ. — Аресты по дѣлу 14-го декабря. — Театръ. — Императоръ Николай въ Варшавѣ. — Коронованіе. — Заговоръ.
1829—1830 гг.

25-го ноября 1825 г. прибылъ курьеръ въ Варшаву изъ Таганрога, съ извѣстіемъ, что императоръ Александръ I-й скончался 18-го числа въ 10 часовъ вечера. 26-го ноября, вечеромъ, великій князь Михаилъ Павловичъ, находившійся въ это время въ Варшавѣ, отправился въ Петербургъ, съ возобновленіемъ отказа великаго князя Константина Павловича отъ все-россійскаго престола, даннаго имъ въ 1823 г., послѣ женитьбы его на графинѣ Груздинской (княгинѣ Ловичъ).

3-го декабря прибылъ въ Варшаву адъютантъ великаго князя Николая Павловича, съ извѣстіемъ, что въ Петербургѣ всѣ присягнули Константину Павловичу; адъютанта этого онъ немедленно отправилъ съ вторичнымъ отреченіемъ отъ царствованія. 9-го декабря пріѣхалъ въ Варшаву Ѳ. П. Опочининъ, другъ цесаревича, служившій ему посредникомъ въ сношеніяхъ между нимъ и покойнымъ императоромъ, чѣмъ онъ остался и при

¹⁾ См. «Русскую Старину» над. 1889 г., т. LXIV, ноябрь, стр. 289—322.

Николаѣ. 20-го декабря полученъ манифестъ о восшествіи на престолъ императора Николая I, а утромъ, 21-го декабря, всѣ войска ему присягнули.

Александръ Павловичъ въ послѣдніе годы своей жизни мало занимался дѣлами имперіи, передавъ всю заботу объ ея управленіи и власть свою ненавидимому всѣми временщику Аракчееву, чрезъ что утратилъ ту горячую симпатію, которую имѣла къ нему русская интеллигенція, за его прежніе либеральные взгляды и за славу, пріобрѣтенную имъ въ великой борьбѣ освобожденія Европы отъ деспотизма геніальнаго разбойника.

Я долженъ, къ сожалѣнію, сказать, что кончина его была принята довольно равнодушно войскомъ, особенно въ польской арміи и гвардейскомъ русскомъ отрядѣ, не знавшихъ о прежнемъ отреченіи отъ престола Константина Павловича и ожидавшихъ блестящей будущности отъ вступленія на русскій престолъ настоящаго ихъ начальника. Но поведеніе цесаревича становилось загадочнымъ, потому что, съ полученія извѣстія о кончинѣ Александра Павловича, онъ никуда не показывался. Когда же узнали объ отреченіи, то разочарованіе окружавшихъ великаго князя было такъ велико, что одинъ изъ его приближенныхъ, генералъ Жандръ, не остановился публично на разводѣ порицать его самопожертвованіе.

Биографъ цесаревича Константина Павловича Е. П. Карновичъ («Русская Старина» 1876—1877 гг.) справедливо замѣчаетъ, что цесаревичъ, не будучи одаренъ государственнымъ умомъ, не былъ бы послѣдовательнымъ въ своихъ дѣйствіяхъ, не могъ бы внимать полезнымъ и правдивымъ внушеніямъ, если они хоть сколько нибудь противорѣчили его прихотямъ, порывамъ и гнѣвнымъ вспышкамъ. Это было бы второе изданіе его отца. Жена его говорила о немъ: „Константинъ прежде сдѣлаетъ что нибудь, а потомъ подумаетъ“, потому Карновичъ находитъ отреченіе его отъ престола прямодушнымъ подвигомъ.

Вступленію на царство великаго князя Николая Павловича войско также не очень радовалось, опасаясь строгости, обнаруженной имъ при командованіи частями гвардіи.

Вслѣдствіе возмущенія 14-го декабря 1825 г. въ Петербургѣ, цесаревичъ, по волѣ императора Николая I, былъ облеченъ неограниченною властію, для раскрытія дѣятельности тайныхъ

обществъ въ Царствѣ Польскомъ и сношеній ихъ съ русскими, по показаніямъ кн. Яблоновскаго. Изъ любопытныхъ писемъ Константина Павловича къ Ѳ. П. Опочинину, напечатанныхъ въ «Русской Старинѣ» 1873 года, томъ VIII, виденъ ясно взглядъ на это дѣло великаго князя, которому, кажется, было непріятно такое назначеніе. Постараюсь резюмировать эти, довольно сбивчивыя и наполненныя оговорками, письма, сущность которыхъ должна была быть сообщена императору Николаю.

„Обратите вниманіе е. и. в., что положеніе мое въ этой странѣ становится весьма щекотливымъ и весьма труднымъ. Желая только повиноваться и, примѣняясь къ инструкціямъ, даннымъ мнѣ покойнымъ императоромъ, на счетъ возможнаго образа дѣйствій въ этой странѣ, мнѣ казалось полезнымъ назначить здѣсь, по примѣру Петербурга, слѣдственную комиссію, направленіе и наблюденіе надъ коею остается подъ моимъ личнымъ надзоромъ; а какъ между лицами, которыхъ комиссія будетъ призывать, допрашивать и даже арестовывать, могутъ быть подданные имперіи и королевства, а также и русскіе, то я назначилъ русскими членами комиссіи: гг. Новосильцева, Куруту, Кривцова, Колзакова и Маренгейма, и польскими: гр. Замойскаго, первоприсутствующаго въ сенатѣ, министровъ юстиціи Соболевскаго, духовнаго вѣдомства гр. Грабовскаго, военнаго Гауке, воеводу гр. Грабовскаго и секретаремъ гр. Раутенштрауха. Для подобнаго рода слѣдствій необходима наибольшая гласность; подпольныя слѣдствія противны направленію и духу времени, а такъ какъ мы подчиняемся здѣсь конституціонному порядку вещей, то это будетъ въ смыслѣ установленнаго правленія.

„Объ арестованныхъ по сіе время лицахъ препровождаю списокъ. До сихъ поръ, при всемъ неутомимомъ стараніи комиссіи, ничего еще не открывается между поляками, какъ чувство народности (*nationalité*). Необходимо принять въ соображеніе всѣ обстоятельства и поводы, которые возбудили въ полякахъ этотъ духъ и которые мнѣ ближе всѣхъ извѣстны.

„Въ 1818 г. въ Варшавѣ я ничего не зналъ о содержаніи рѣчи, которою императоръ Александръ откроетъ первый польскій сеймъ, но статсъ-секретарь Каподистрія на счетъ ея мнѣ сказалъ:

— „Посмотрите, что будетъ; она не только на одну Польшу, но на Россію и на всю Европу сдѣлаетъ вліяніе“.

„Возвращаясь тогда съ развода съ государемъ, я осмѣлился возражать противъ представительнаго правленія и слиянія Польши съ отошедшими къ Россіи провинціями, на что государь, даже съ нѣкоторымъ гнѣвомъ, отвѣчалъ и потомъ во всѣхъ случаяхъ мнѣ твердилъ:

— „Развѣ ты не понимаешь, что не имъ дають вмѣсто желтыхъ красные воротники, а вамъ, вмѣсто красныхъ желтые“.

„Во всѣхъ польскихъ губерніяхъ, присоединенныхъ къ Россіи, губернаторы и вице-губернаторы назначены изъ поляковъ, что ясно доказываетъ твердое намѣреніе Александра I возвратить ихъ созидаемому имъ Царству Польскому. Во всѣхъ рѣчахъ государя на сеймѣ и дѣйствіяхъ, но даже въ разговорахъ съ частными людьми, онъ старался вкоренять въ полякахъ эти надежды, что мудренаго, что у нихъ вскружилась голова на чувствахъ національности.“

„Винить ихъ, вѣдется, за это нельзя и кто бы на ихъ мѣстѣ не желалъ того-же; въ нихъ это общая мысль; развѣ всѣхъ ихъ можно за оную истребить“.

Императоръ Николай I, при восшествіи своемъ на престолъ, обѣщалъ манифестомъ, даннымъ Царству Польскому, слѣдовать по стопамъ покойнаго государя.

На первыхъ порахъ, по распоряженію слѣдственной комиссіи, арестованы были слѣдующія лица:

Графъ Салтыкъ, каштелянъ Царства Польскаго Гржимайло, рекстмейстеръ въ государственномъ совѣтѣ Царства Польскаго; Плихта, секретарь въ канцеляріи того-же совѣта; Дембекъ—каноникъ, начальникъ типографіи, употребляемой правительствомъ; Кржыжановскій, подполковникъ л.-гв. польскаго конно-егерскаго полка; Мицельскій, адъютантъ цесаревича; Малаховскій (Густавъ), сынъ каштеляна, сенаторъ Царства Польскаго; Лелевель, сеймовый посолъ Станиславовскаго обвода. Не буду упоминать о другихъ, потому что всѣ они были впослѣдствіи освобождены.

Арестованныхъ комиссіею содержали въ Кармелитскомъ монастырѣ, на Лѣсиной улицѣ; караулъ при нихъ содержался только изъ русскихъ гвардейскихъ полковъ, вступалъ и смѣнялся

поздно вечеромъ. Припоминаю живо первый мой караулъ. Войдя въ монастырь, я увидѣлъ длинный корридоръ, едва освѣщенный нѣсколькими лампами, въ стѣнахъ котораго ниши съ изваяніями святыхъ или съ распятіями. Высокіе своды зловѣщимъ эхомъ отражали бряцаніе оружія слѣдовавшихъ за мною солдатъ; иногда показывалась мрачная фигура монаха и тотчасъ же пряталась. Взобравшись на 3-й этажъ, гдѣ были устроены казематы въ прежнихъ кельяхъ, и смѣнивъ разставленныхъ по корридору часовыхъ, дѣло мое было исполнено, потому что ни одного арестанта видѣть было нельзя; ближайшій надзоръ за ними былъ препорученъ русскому инвалидному капитану Бажину, выслужившемуся изъ рядовыхъ. Вдругъ, среди гробовой ночной тишины, разнеслись по корридору упылые звуки флейты, на которой игралъ, кажется, гр. Салтыкъ, какъ говорилъ мнѣ тюремщикъ-капитанъ. Глубоко тяжелое впечатлѣніе оставилъ по себѣ этотъ караулъ, тѣмъ болѣе, что заключенные были люди уважаемые и мы въ то время имъ сочувствовали. По счастью, мнѣ пришлось только одинъ разъ исправлять эту непріятную обязанность.

Послѣ переполоха, произведеннаго кончиною Александра I-го и отреченіемъ цесаревича отъ наслѣдованія ему, жизнь наша въ Варшавѣ вошла въ свою обычную однообразную колею.

Интимное мое общество составляли: Форсманъ, Фавръ, Фошъ, Пущинъ, Тиньковъ, остроумный Франковской, полковникъ л.-гв. уланскаго полка, неистощимый анекдотистъ и одинъ изъ лучшихъ моихъ товарищей по полку Фридрихъ Рихтеръ, преждевременная потеря котораго была для меня незамѣнима.

Такъ какъ театръ составлялъ лучшее мое удовольствіе того времени, то скажу о немъ нѣсколько словъ. На большомъ театрѣ въ Варшавѣ давали трагедіи, драмы, комедіи, оперы и балеты. Лучшіе драматическіе актеры были Веровскій и Богуславскій, г-жа Лядуховская и Жучковская, комическіе: Ждановичъ, Новаковскій. Самыя красивыя танцовщицы: Мержинская и Домбровская.

Въ послѣдніе годы пребыванія нашего въ Варшавѣ, открылся малый театръ смѣси, который сформировалъ нѣсколько хорошихъ актеровъ, въ особенности Панчиковскаго, знаменитаго комика и остряка Жулковскаго я уже не засталъ въ

живыхъ. Въ Варшавѣ же я слышалъ удивительнаго скрипача Паганини и пѣвицу Зонтагъ. Была также небольшая французская труппа, потому что цесаревичъ очень любилъ французскій театръ. Изъ комиковъ можно вспомнить о Сарте и Герве и красивой Констансъ, любовницѣ командира л.-гв. уланскаго полка Александра Ивановича Альбрехтъ, который былъ замѣчательнѣе тѣмъ, что походилъ на Александра I-го и потому, когда проигрывался, считалъ возможнымъ по полгода не давать жалованья полку. Въ Варшавѣ полковые командиры получали въ свое распоряженіе всю сумму на жалованье, обмундированіе и продовольствіе полка, чрезъ что имѣли большіе доходы.

Все время жизни моей въ Царствѣ Польскомъ я съ увлеченіемъ предавался чтенію. Изъ тетради, въ которую я записывалъ прочитанныя мною книги, видно какое огромное число сочиненій прочелъ я въ это время, по разнымъ предметамъ, на русскомъ, французскомъ и польскомъ языкахъ; но изъ этой же тетради легко усмотрѣть неимѣніе правильной системы чтенія, чтобъ прочитанное сохранялось въ памяти, чему неизбѣжно препятствовало большое разнообразіе предметовъ. Во всякомъ случаѣ запасъ свѣдѣній, почерпнутыхъ мною изъ этого чтенія, при моей тогдашней памяти, установилъ до нѣкоторой степени мои убѣжденія и взглядъ на жизнь. Сохранившаяся толстая тетрадь моихъ памятныхъ записокъ 1829 — 1830 гг. лучше всего обрисовываетъ мое нравственное состояніе тогдашняго времени. Между рецензіями прочитанныхъ книгъ и замѣтками о жизни встрѣчаются сужденія о вредѣ крѣпкихъ напитковъ, о пагубныхъ послѣдствіяхъ азартной игры, восторженное восхваленіе идеальной любви, въ сравненіи съ грубостію чувственныхъ наслажденій, но всѣ эти сентенціи не мѣшали однако мнѣ быть причастнымъ этимъ порокамъ, такъ мною громимымъ. Въ сужденіяхъ этихъ видна только борьба разсудка со страстями, въ которой послѣднія берутъ верхъ по недостатку твердой воли.

Эти записки носятъ на себѣ отпечатокъ молодости, т. е. мечтательности и резонерства; но при составленіи настоящихъ замѣтокъ о моемъ прошломъ онѣ мнѣ пригодились, доставя возможность вѣрно изобразить прежнія мои мнѣнія и тогдашніе

взгляды на происшествія, что придаетъ этимъ замѣткамъ достоинство современности.

Выписываю изъ этихъ записокъ слово въ слово прибытіе въ Варшаву 5 мая 1829 года Николая Павловича для коронаціи царемъ польскимъ. Пропуская подробности описанія по порядку программы, торжественнаго въѣзда императора въ столицу Царства Польскаго, я намѣренъ замѣтить только случаи, выходившіе изъ предначертаннаго порядка, но которые своею неожиданностію производили впечатлѣніе.

Николай Павловичъ въѣзжалъ въ Варшаву верхомъ, имѣя по лѣвую руку цесаревича Константина Павловича. Наслѣдникъ престола Александръ Николаевичъ и великій князь Михаилъ Павловичъ слѣдовали сзади рядомъ. Пріятно было видѣть вмѣстѣ двухъ братьевъ, сдѣлавшихъ обоюдное пожертвованіе, неслыханное въ лѣтописяхъ честолюбія. Государь произвелъ на всѣхъ огромное впечатлѣніе своимъ величественнымъ видомъ.

Когда государь приблизился къ 1-му конно-егерскому полку, котораго наслѣдникъ считался шефомъ и былъ въ мундирѣ полка, онъ подозвалъ это милое дитя и поставилъ его въ ряды старыхъ воиновъ, тогда восторгъ былъ неописанный и громогласное: ура Николай! ура Александръ! было искреннимъ, неприказаннымъ его изъявленіемъ.

По улицамъ, гдѣ проходило шествіе, во всѣхъ окнахъ увѣшанныхъ коврами и матеріями, тѣснились дамы, бросавшія цвѣты; народу вездѣ было бездна. Вечеромъ весь городъ былъ блистательно иллюминированъ и наполненъ гуляющими и катавшимися въ экипажахъ. Давно Варшава не видала такого торжества! Многіе богачи сдѣлали значительныя вспоможенія бѣднымъ, въ ознаменованіе этого радостнаго дня.

Съ прибытія государя до дня коронаціи были представленія императору и императрицѣ порознь. Николай очаровалъ всѣхъ любезностію, съ которою онъ находилъ сказать что либо пріятное, каждому изъ представлявшихся. При представленіи императрицѣ, генералы, офицеры гвардіи и первые классы гражданскихъ чиновъ подходили къ руцѣ. Великій князь цесаревичъ Константинъ Павловичъ присутствовалъ при представленіи. Императрица была одѣта, съ большимъ великолѣпіемъ, въ платьѣ изъ серебрянаго газа съ мантиєю желтаго цвѣта, шитою серебромъ;

на головѣ вѣнокъ изъ васильковъ, желтый и синій народные цвѣта Польши.

При представленіи дамъ, когда оберъ-церемоніймейстеръ хотѣлъ ихъ представлять императрицѣ по первенству классовъ, супруга предсѣдателя сената, княгиня Замойская, сказала ему, что въ Польшѣ женщины всѣ равны и между ними нѣтъ различія классовъ, и тотъ былъ вынужденъ представлять ихъ не соблюдая первенства.

Не слѣдуетъ заключать изъ этой выходки княгини Замойской, что въ самомъ дѣлѣ между поляками существуетъ это демократическое равенство: многимъ изъ нихъ желательно быть княгинями и графинями, и этотъ дѣйствительный и иногда предполагаемый титулъ никогда не забывается на ихъ визитныхъ карточкахъ.

Государь ходилъ часто пѣшкомъ изъ королевскаго замка въ Брюлевскій палацъ, гдѣ помѣстился на это время цесаревичъ, и всегда былъ сопровождаемъ толпою народа, оглашавшаго воздухъ криками ура! Полиціи было приказано государемъ не удалять отъ него народа, что не мало служило къ увеличенію восторга, который производилъ августѣйшій гость Варшавы.

12 мая наступилъ желанный день коронаціи. Съ ранняго утра замковая площадь и прилежація къ ней улицы кипѣли народомъ. Отъ королевскаго замка до собора св. Яна была выстроена галлерей, полъ и перила которой были обиты малиновымъ сукномъ. Обѣ стороны галлерей были прикрыты двумя рядами пѣшихъ и конныхъ войскъ. За ними, гдѣ дозволяло мѣсто, были устроены амфитеатры, въ которыхъ могло помѣщаться болѣе трехъ тысячъ дамъ. Видъ этихъ амфитеатровъ, наполненныхъ дамами съ разноцвѣтными зонтиками, шляпками, былъ весьма эффектенъ.

Послѣ освѣщенія королевскихъ регалій въ соборѣ, онѣ были перенесены въ сопровожденіи духовенства въ тронную залу замка, которая была отдѣлана съ большимъ великолѣпіемъ и вкусомъ; только тронъ короля польскаго былъ оберегаемъ русскими гренадерами дворцовой роты, что, разумѣется, было замѣчено польскими патріотами.

Коронованіе произошло по церемоніалу, но по моему чину я не могъ его видѣть. Говорятъ, что при чтеніи молитвы госу-

даръ былъ чрезвычайно тронуть. По окончаніи церемоніи въ тронномъ залѣ, король направился въ соборъ. Непосредственно за императрицею шла княгиня Ловичъ съ наслѣдникомъ.

Въ соборѣ 300 музыкантовъ, пѣвцовъ и пѣвицъ исполнили *Te Deum* Курпинскаго, капельмейстера варшавской оперы, одно изъ лучшихъ музыкальныхъ произведеній въ этомъ родѣ, по мнѣнію знатоковъ.

Послѣ коронаціи начались празднества. Баловъ было пять: при дворѣ два, одинъ въ ратушѣ отъ города, одинъ въ биржевомъ залѣ отъ пословъ и депутатовъ и одинъ у кн. Замойскаго. Въ первый разъ въ жизни мнѣ привелось участвовать на такихъ великолѣпныхъ балахъ.

Не смотря на изъявляемый населеніемъ Варшавы восторгъ и на оказываемую поляками преданность, надъ государемъ, во все время пребыванія въ Варшавѣ, висѣлъ Дамокловъ мечъ.

Высоцкій и Гуровскій, во главѣ ярыхъ заговорщиковъ школы подпрапорщиковъ, выбирали только удобный случай, чтобы умертвить государя и всю царскую фамилію. Принадлежавшіе къ заговору послы, кн. Адамъ Чарторыжскій, Малаховскій, Зверковскій, Дзіалынскій, Бернардскій, Потоцкій употребляли тщетно всѣ усилія, чтобы отклонить Высоцкаго отъ его ужаснаго намѣренія. Можно сказать, что Провидѣніе спасло Николая.

Потомъ обнаружилось, что обширный заговоръ существовалъ уже въ 1829 году и тайная полиція, имѣвшая во главѣ своей поляковъ Рожнецкаго и Любовидзкаго и русскихъ Жандра, Фенша и Засса, ничего о немъ не вѣдала.

Самъ цесаревичъ жестоко ошибался, писавъ въ 1826 году Опочинину для сообщенія государю: „Поляки хвастаются весьма и дорожатъ тѣмъ, что у нихъ съ самыхъ древнихъ временъ, даже въ исторіи нѣтъ примѣра, чтобы были въ Польшѣ цареубійцы“.

По отъѣздѣ изъ Варшавы императора Николая I-го все вошло въ обыденный нашъ порядокъ. Какъ великому князю Константину Павловичу, такъ и никому изъ насъ русскихъ не приходило въ голову, что мы живемъ на вулканѣ и 1830 годъ, послѣдній нашей стоянки въ Варшавѣ, начался мирно.

Февраля 23-го 1830 г. я былъ назначенъ батальоннымъ адъютантомъ 2-го батальона. Верховую лошадь купилъ у польскаго

генерала Милберга. Это былъ рыжій меринъ, по названію Кракусъ, на которомъ я сдѣлалъ всю кампанію 1831 года и который служилъ мнѣ до 1850 года.

Обзаведясь верховою лошадыю, я дѣлалъ большія прогулки по окрестностямъ Варшавы, гдѣ много прекрасныхъ загородныхъ домовъ съ обширными парками; жаль, что почти всѣ они запущены, воды заглохли и заплесневѣли, какъ прошлая пышность владѣльцевъ ихъ, знаменитыхъ польскихъ магнатовъ. Изъ этой категоріи надо исключить Виллановъ, Мокотовъ, Круликарню, Натолінъ и другіе.

Кромѣ семействъ офицеровъ полка, Пуцина, Тинькова, Обручева, я посѣщалъ нѣкоторые русскіе дома: Колотова, Мартюшева и нѣсколько польскихъ, между прочими Банко, Дюккерта, гдѣ танцовалъ до упаду.

Мы составляли иногда особаго рода прогулки. Раздѣвшись на берегу Вислы въ Варшавѣ и положивъ наше платье въ лодку, отправлялись вплавь въ Kawu Nadwiaslawsku (кофейный домъ на Вислѣ) верстъ семь отъ Варшавы. По Вислѣ, благодаря ея быстротѣ, плыть весьма легко, при чемъ, чтобы не озябнуть можно было отдыхать на песчаныхъ отмеляхъ. Одинъ изъ моихъ знакомыхъ гр. Коссовскій, ежели не ошибаюсь, имѣлъ большую шлюпку съ парусами. Разъ, катаясь въ ней противъ теченія, при свѣжемъ попутномъ вѣтрѣ, кто то предложилъ, что хорошо бы было, взявшись за веревку, плыть за лодкою. Я въ одну минуту изъявилъ на то желаніе. Спустили паруса, веревку мертвымъ узломъ продѣли мнѣ чрезъ плечо, я прыгнулъ въ воду и закричалъ, чтобы шли. Когда подняли снова парусъ и шлюпка понеслась быстро, меня начало сильно бросать изъ стороны въ сторону, сбросить съ себя петлю я не могъ, кричать было стыдно, я захлебнулся и совершенно бы погибъ, ежели бы одинъ изъ гуляющихъ не взглянулъ на меня случайно, и замѣтя, что меня бросаетъ изъ стороны въ сторону, приказалъ спустить паруса, и меня вытащили уже безъ чувствъ. Кто-то съострилъ тогда, что я едва не доказалъ собою, что не всѣ пословицы справедливы, ибо одна говоритъ, что кому быть удушеннымъ, тотъ не утонетъ, а меня бы утопили и задавили въ одно время.

Въ маѣ 1830 г. императоръ Николай прибылъ въ Варшаву для открытія сейма королевства польскаго, который и открылъ 16—28 мая рѣчью на французскомъ языкѣ. Предсѣдатели сената

и палаты Дензенатовъ или нунціевъ (Jzba Posulska) отвѣчали на рѣчь государя по польски.

Изъ замѣчательныхъ иностранцевъ, посѣтившихъ государя въ Варшавѣ, были: наслѣдный принцъ прусскій Фридрихъ Вильгельмъ, открытое, доброе лицо, обхожденіе простое безъ малѣйшей аффектаціи, похожъ на сестру свою императрицу Александру Ѳеодоровну; братъ его Фридрихъ Карлъ съ супругою, дочерью Маріи Павловны, герцогини Веймарской; наконецъ, знаменитый ученый Александръ Гумбольдъ, только что возвратившійся изъ поѣздки своей на Уралъ, человѣкъ лѣтъ 50-ти, небольшого роста, въ мундирѣ прусскаго камергера. На балу у Соболевскаго, занимавшаго должность намѣстника Царства Польскаго, я имѣлъ счастливый случай стоять сзади государя во время его разговора по французски съ Гумбольдомъ, продолжавшагося съ полъ-часа.

Рѣчь у Гумбольда, человѣка столько же придворнаго, какъ и ученаго, лилась рѣкою.

Изъ всѣхъ баловъ, бывшихъ въ Варшавѣ, во время пребыванія въ ней императорской фамиліи, безъ сомнѣнія самые блистательные были два танцевальныя вечера у императрицы во дворцѣ королевскихъ лазенокъ (бань). Прелестное положеніе этого дворца, между двумя большими прудами, много тому способствовало. Мостъ со статуею Яна Собѣсскаго, побѣдителя турокъ, находящійся противъ дворца, и противоположная сторона пруда съ амфитеатромъ были иллюминированы, что производило большой эффектъ, смотря изъ дворца. Публика, не приглашенная на балъ, могла прекрасно видѣть съ терассы, идущей кругомъ дворца, всѣ залы, чрезъ огромныя, доходящія до земли, окна. Императрица восхищала всѣхъ зрителей блескомъ и вкусомъ своего туалета и превосходною манерою въ танцахъ, которые, какъ извѣстно, она очень любила. Николай Павловичъ кромѣ польскаго ничего не танцевалъ, за то очаровывалъ всѣхъ своею любезностію и хозяйскою попечительностію о своихъ гостяхъ. Дамы, обращавшія вниманіе своею красотою на этихъ балахъ, были Мостовская, Суминская, Красинская, Грабовская, княжна Урусова, Штрاندманъ и другія. Мнѣ казалось однако, что въ польскомъ высшемъ обществѣ не такъ много красавицъ, какъ въ среднемъ, особенно изъ мехесовъ, то есть

евреекъ, принявшихъ европейскій родъ жизни. Въ этомъ легко убѣдиться на каждомъ большомъ гуляньѣ въ Саксонскомъ саду.

Какъ извѣстно, послѣдній сеймъ Царства Польскаго сталъ въ сильную оппозицію противъ правительства, отвергнувъ внесенный имъ проектъ закона о разводѣ и обвинивъ, по предложенію Густава Малаховскаго, министра юстиціи Возницкаго за неопубликованіе декрета высшаго суда по процессу о патриотическомъ обществѣ, министра финансовъ Любецкаго, подписавшаго декретъ о распущеніи Калишскаго генеральнаго совѣта, и министра народнаго просвѣщенія палатина Грабовскаго за скрѣпленіе декрета, возстановившаго цензуру. Сеймъ намѣревался также обвинить предсѣдателя сената кн. Замойскаго и военнаго министра Гауке, но не успѣлъ этого сдѣлать, такъ какъ былъ закрытъ.

Какъ въ 1829 году, такъ и въ прїѣздъ государя въ Варшаву въ маѣ 1830 г., жизнь его находилась въ безпрестанной опасности, отъ развивающагося все болѣе и болѣе заговора.

1830 годъ замѣчателенъ для Варшавы открытіемъ 11 мая памятника знаменитому астроному Копернику, предъ домомъ общества друзей наукъ (*Towarzystwo przyjaciół nauk*). Станиславъ Сташицъ, бывшій предсѣдатель этого общества, первый подаль мысль подписки на сооруженіе этого памятника, принявъ болѣе половины издержекъ на свой счетъ. Сташицъ дѣйствительно былъ другъ человѣчества и науки, отдавшій имъ свое богатство и здоровье. Прахъ его покоится въ монастырѣ Камеялово (*les chartreux*) въ Бѣлянахъ, подъ Варшавою, а память будетъ жить вѣчно въ сердцахъ его соотечественниковъ. Модель памятника Копернику сдѣлана Торвальдсеномъ и вылита изъ мѣди въ Варшавѣ, на фабрикѣ братьевъ Грегуаръ.

Разсказываютъ, что когда упала завѣса, покрывавшая памятникъ, и предсѣдатель общества Юліанъ Урсинъ Нѣмцевичъ произносилъ слова своей рѣчи: „солнце, на которое полѣтка Коперникъ имѣлъ устремленными свои взоры, пусть сегодня броситъ ласковый лучъ свой на его изображеніе“, въ это время солнце, не показывавшееся уже четверо непогодныхъ сутокъ, какъ бы чудомъ расторгло облака и явилось во всемъ блескѣ. Не будучи очевидцемъ, не могу утверждать этотъ фактъ, но я слышалъ этотъ разсказъ отъ очевидцевъ и о немъ писали во всѣхъ газетахъ. Многіе европейскіе ученые,—между прочимъ бар. Цахъ

въ „Correspondance astronomique“, возбуждаютъ сомнѣніе относительно польскаго происхожденія Коперника; но писатели польскіе, а особенно Янъ Снядецкій, кажется, совершенно доказали противное. Всѣхъ поляковъ сомнѣніе, что Коперникъ не ихъ родичъ, приводитъ въ ярость. Надо отдать справедливость тому врожденному уваженію, которое питаютъ поляки ко всему, что составляетъ славу ихъ родины.

Мнѣ часто случается думать, что ежели бы прежняя Польша не была такая безобразная олигархическая республика, то могла бы сохранить свою самобытность еще на долгія времена.

По своей культурѣ она стояла несравненно выше другихъ славянскихъ національностей. Можно сомнѣваться въ пользѣ, которую принесли человечеству маккевіалическіе раздѣлы Польши. Во всякомъ случаѣ, я вынесъ убѣжденіе изъ долговременнаго пребыванія въ Польшѣ, что поляки, какъ говоритъ Н. И. Костомаровъ, „народъ сердечный“. Я имѣлъ между ними много хорошихъ пріятелей.

Іюльская революція 1830 года во Франціи произвела одурающее дѣйствіе на поляковъ; они всегда имѣли безразсудство разсчитывать на Францію для своего національнаго возрожденія, въ то время какъ Наполеонъ, для честолюбія котораго они дрались храбрѣе самихъ французовъ, на апогеѣ своего могущества ничего для нихъ не сдѣлалъ. Мнѣ часто приходилось высказывать это моимъ польскимъ пріятелямъ, но убѣдить ихъ въ этомъ было невозможно. Образованный полякъ разсуждаетъ о политическихъ событіяхъ другихъ народовъ совершенно правильно, но только рѣчь коснется его народа, онъ тотчасъ увлекается несбыточными надеждами и начинаетъ говорить вздоръ. Какъ твердо еврей уповаетъ на пришествіе Мессіи, такъ полякъ на восстановление польской республики, съ прежними границами.

Политическія происшествія во Франціи и Бельгіи вызвали вмѣшательство другихъ европейскихъ державъ, и въ Варшавѣ начались приготовленія къ войнѣ, что насъ военныхъ весьма радовало.

Въ октябрѣ 1830 г. ходили въ Варшавѣ слухи, что существуетъ заговоръ противъ русскихъ, и были прибываемы прокламаціи, призывавшія всѣхъ правдивыхъ поляковъ къ возвращенію себѣ независимости. Хотя мы русскіе этимъ слухамъ рѣшительно не вѣрили, однако, начальствомъ были приняты нѣкоторыя предо-

сторожности и назначены сборные пункты въ случаѣ тревоги, но все это сообщалось подъ совершеннымъ секретомъ однимъ главнымъ начальникамъ.

Въ это время я квартировалъ съ Форсманомъ на Закрочимской улицѣ, въ домѣ виноторговца, ополячившагося француза, Маренжа. Въ этомъ же домѣ жили двое Хржановскихъ. Одинъ подполковникъ генеральнаго штаба, игравшій потомъ важную роль въ войнѣ 1830—1831 года, былъ семейный, но очень бѣдный; другой майоръ, командовалъ однимъ учебнымъ баталіономъ изъ отборныхъ ротъ, по одной изъ каждаго полка, стоявшаго въ Варшавѣ. Я часто бывалъ у обоихъ братьевъ, особенно у майора, у котораго сходилось много офицеровъ разныхъ польскихъ полковъ, всѣ они, какъ оказалось впослѣдствіи, принадлежали къ заговору, но по ихъ разговорамъ, которые были обыкновенно политическаго свойства, не возможно было заключить, что революція у насъ на носу. Разумѣется, они въ моемъ присутствіи боялись высказываться.

8 ноября 1830 г., въ день полковаго праздника л.-гв. Литовскаго полка, полку былъ назначенъ церковный парадъ, но, противъ обыкновенія, въ полной походной формѣ, что мы приписывали приготовленію къ походу за границу. По случаю дурной погоды парадъ былъ отказанъ, а обычный въ этотъ день завтракъ у великаго князя былъ попрежнему въ залахъ королевскаго дворца. Завтракъ этотъ бывалъ всегда очень характеристиченъ. Представьте себѣ огромный столъ покоемъ, покрытый всякаго рода холодными блюдами и винами и окруженный министрами, генералами, дипломатами, офицерами и солдатами, стоявшими безъ всякаго порядка, ѣвшими и пившими наскоро. Солдатъ приглашалось не менѣе ста. Представьте себѣ прусскаго консула Шмидта, тонкаго гастронома, и подлѣ него литовскаго гренадера, который, послѣ мороженаго, убираетъ сосиски съ капустой и шампанское запиваетъ водкою; присовокупите къ этому громкій говоръ по русски, по французски, по польски, по нѣмецки, и вы получите понятіе объ этомъ чисто военномъ завтракѣ. Это былъ послѣдній нашъ праздникъ въ Варшавѣ, гдѣ полкъ простоялъ пятнадцать лѣтъ.

А. А. Одинцовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).